

**Веня Хранитель
Знаний**

**По
ту**

сторону

Проволоки

18+

Веня Хранитель Знаний
По ту сторону Проволоки

«Автор»

2025

Хранитель Знаний В.

По ту сторону Проволоки / В. Хранитель Знаний — «Автор»,
2025

История повествует о четырёх людях во время Великой Отечественной Войны, два парня с советской стороны, и две сестры немки, с Третьего Рейха. Как повернётся судьба, как они сыграют роль в жизни и судьбе. Останутся ли такими какие они были, или же война поглотит их души, и разум, оставив лишь оболочки тьмы, что нельзя назвать людьми?

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ: СЕРЕДИНА 1941 – СЕРЕДИНА 42 ГОДА	11
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Веня Хранитель Знаний

По ту сторону Проволоки

"Душа человека, подобно алмазу, она прекрасна и ценна, но стоит появиться хоть царапине... Ценность испаряется в момент, и не важно какой ты человек, если ты треснул в глазах людей, то уже никогда не сможешь исправить их мнение"

@ Веня. Хранитель Знаний

История повествует о людях, прошедших сам Ад на земле. О том, кто сломался, а кто стал тем же кем и был всегда. Это не документалка, а произведение, первое моё такое крупное.

Сразу скажу. Эта история пишется по существующему, а по тому и самому страшному периоду России: Великая Отечественная Война

Здесь могут встретиться исторические личности, а так же, некоторые моменты изменены в угоду сюжета.

ПРОЛОГ

Германия. Лето. 1938 год.

Тихий ветерок, словно нежное прикосновение материнской руки, ласкал ветви деревьев в берлинском парке. В воздухе витал аромат цветущих лип и отголоски вечерней тишины, нарушаемой лишь редкими звуками проезжающих автомобилей. Небо постепенно окрашивалось в нежные оттенки сумерек, предвещая наступление теплой летней ночи.

На лестничной площадке старого дома с резными перилами сидела молодая девушка лет семнадцати. Агнет Вульф смотрела на небосвод, в надежде увидеть первые звезды, мерцающие в глубине темнеющего неба. Ее русые волосы мягкими локонами обрамляли овал лица, а карие глаза, большие и выразительные, словно озера, излучали доброту и какой-то особенный внутренний свет. Аккуратный маленький носик, тонкие, словно нарисованные умелой рукой художника брови придавали ее облику нежную хрупкость. Стройная фигура была облачена в безупречно белый медицинский халат, а на губах – алая помада, подчеркивающая молодость и свежесть лица.

Уголки ее губ были слегка приподняты в мечтательной полуулыбке. Трудно было угадать, какие мысли роились в ее голове, но судя по выражению лица, они были светлыми и прекрасными. Возможно, она представляла свое будущее – через год она закончит обучение и станет настоящим врачом, сможет помогать людям, исцелять их от болезней.

Ее взгляд на мгновение остановился на красно-черном флаге со свастикой, развевающимся на соседнем здании. Тень пробежала по ее лицу. Агнет не могла понять, почему фюрер вел настолько жесткую политику, почему в воздухе Германии все отчетливее ощущалось напряжение и страх. Хоть официально она еще не давала клятву Гиппократу, в душе она уже приняла ее священные принципы. Она знала, что никогда не сможет причинить вред человеку, вне зависимости от его национальности или убеждений. Ведь истинное призвание врача – спасать жизни, а не отнимать их.

Размышления Агнет прервал звук чётких, размеренных шагов. Кто-то шел по почти безлюдной улице, цокая каблуками по мостовой. С каждым мгновением звук приближался, и вскоре перед девушкой предстала статная молодая женщина лет двадцати трех.

Это была Энгель Вульф – старшая сестра Агнет. Каштановые волосы, собранные в строгий конский хвост, безупречная офицерская форма Вермахта, начищенные до блеска высокие сапоги и фуражка, слегка наклоненная к лбу – всё в ней говорило о дисциплине и приверженности порядку. Ее серые глаза, холодные и решительные, казались пустыми и жестокими, словно у палача, видевшего слишком много смертей. Фигура Энгель полностью соответствовала арийским стандартам красоты – высокая, стройная, с горделивой осанкой. Губы были накрашены темно-красной помадой, напоминающей цвет свежей крови.

Энгель подошла к сестре, слегка наклонилась к ней, и на ее строгом лице мелькнула тень улыбки.

– *Посмотрите-ка, кто тут сидит?* – проговорила она приятным, но с нотками металла в голосе. – *Как твоя учеба, дорогая сестра?*

Заметив задумчивый, почти отсутствующий взгляд Агнет, Энгель нахмурилась.

– *Агнет, с тобой все хорошо? Ты выглядишь обеспокоенной.*

Младшая сестра подняла глаза, в которых отражалась внутренняя борьба – говорить или нет о том, что действительно тревожит ее сердце.

– *Энгель, я просто... немного беспокоюсь за нашу страну,* – тихо произнесла она, решившись. – *Мне страшно, что может придумать наш фюрер... Куда он ведет Германию.*

Лицо Энгель мгновенно изменилось. Мягкость исчезла, уступив место холодной строгости офицера. Ее взгляд стал колючим и пронизывающим, заставив Агнет внутренне съежиться.

– *Да как ты можешь усомниться в словах нашего великого фюрера?! –* резко воскликнула она, выпрямившись во весь рост. Ее голос звенел от искренней убежденности и преданности режиму. – *Он же хочет как лучше для нашей великой Германии! Каждое его слово, каждое решение – это шаг к возрождению нашего народа!*

В глазах Энгель горел фанатичный огонь, и на мгновение Агнет показалось, что перед ней стоит совершенно чужой человек, а не сестра, с которой она выросла. Но через несколько секунд Энгель, заметив испуг в глазах младшей, смягчилась. Она глубоко вздохнула, опустилась рядом на ступеньку и ласково потрепала сестру по волосам.

– *Прости за грубость, малышка. Просто я так верю в нашего фюрера, в его видение будущего для Германии...*

Однако Агнет, набравшись смелости, решила продолжить:

– *Да, но... Но все равно объявить, что арийская раса важнейшая и истинная, немного пугает. Разве не все люди равны перед Богом? В медицинском институте нас учат, что человеческая жизнь священна, вне зависимости от происхождения или веры.*

Энгель обняла сестру за плечи, и в этом жесте было что-то защитное, почти материнское, несмотря на ее военную выправку и жесткость.

– *Моя милая, наивная сестра,* – произнесла она с оттенком снисходительности в голосе. – *Не бойся, прими это и живи. Ведь в этом нет ничего плохого или постыдного! Германия должна быть сильной, чистой, и только так мы сможем преодолеть все невзгоды, которые принес нам Версальский договор. Мы были унижены, растоптаны, но теперь поднимаемся с колен!*

Агнет не ответила, лишь сильнее прижалась к сестре. Они сидели так некоторое время, каждая погруженная в свои мысли. Затем Энгель поднялась, протянула руку сестре:

– *Пойдем домой. Становится прохладно, а тебе завтра рано в институт.*

Они пошли по тихим улицам Берлина к квартире Энгель. С тех пор как они остались сиротами более десяти лет назад, старшая сестра заменила Агнет и мать, и отца. Она работала, заботилась о младшей, дала ей возможность учиться. Энгель приняла новую власть как спасение, как путь к лучшей жизни. Она искренне верила, что Гитлер – это тот лидер, который вернет Германии утраченное величие. За свою преданность и усердие она сумела дослужиться до звания гауптмана и безмерно гордилась этим достижением. Она была готова отдать жизнь

за фюрера и за Германию, не задумываясь. И если потребуется, готова была лишиться жизни врагов рейха – без колебаний и сомнений.

Агнет же была полной противоположностью сестре. Убежденная пацифистка, она мечтала о мире без войн и насилия, где люди разных национальностей и вероисповеданий могли бы жить в гармонии. Однако ради сестры, которой она была безмерно благодарна за заботу и любовь, Агнет готова была терпеть, скрывая свои истинные чувства. Лишь изредка, когда боль и страх становились невыносимыми, она позволяла себе высказать свои настоящие мысли.

Сестры шли по погружающемуся в вечернюю тьму Берлину, таком прекрасном и одновременно тревожном. Одна – уверенная в своей правоте и в великом будущем Германии, другая – полная сомнений и страха перед грядущим. Две дочери одних родителей, такие разные и такие близкие, связанные нерушимыми узами сестринской любви, даже когда весь мир вокруг них стоял на пороге великих и страшных перемен.

СССР. Последний месяц 1940 года. Был зимний день, суровый, беспощадный, какие бывают только в низовьях Волги. Астрахань замерла под тяжелым, свинцовым небом, а мороз, словно острый клинок, безжалостно резал лица прохожих, проникая сквозь любую одежду до самых костей. Лютый восточный ветер заметал снегом пустынные улицы, заставляя редких прохожих низко опускать головы и ускорять шаг.

Возле массивного серого здания городского совета стоял молодой парень, лет девятнадцати от роду. Одет он был явно не по погоде – в потертую, выдавшую виды тонкую шубу, которая едва спасала от пронизывающего холода. На голове – старая шапка-ушанка, которую он надвинул так, что были видны лишь глаза да кончик покрасневшего носа.

Парень не стоял на месте, а пританцовывал, пытаясь согреться, хлопая себя по бокам и притопывая тяжелыми сапогами по скрипучему снегу. Руки, закрытые лишь тонкими перчатками, уже основательно покраснели и немели от мороза. Время от времени он дул на них, создавая облачко пара, которое тут же растворялось в морозном воздухе.

Несмотря на холод, лицо его сохраняло живость и какое-то юношеское любопытство. Из-под шапки выбивались непокорные пряди волос, черных как вороново крыло. Глаза – серые и удивительно ясные, полные жизни и внутреннего огня – внимательно следили за дверью здания. Телосложением он был худощав, но в этой худобе угадывалась жилистая, деревенская крепость человека, привыкшего к физическому труду.

Неподалеку стоял ЗИС-5, двигатель которого был заведен и работал с характерным рокотом, выпуская в морозный воздух клубы белого пара. Парень периодически поглядывал на машину, словно проверяя, всё ли в порядке, и снова возвращался к своему нехитрому танцу для согрева.

Наконец, тяжелая дверь здания со скрипом отворилась, и на крыльцо вышел грузный военный в генеральской форме с характерными знаками отличия. Его обильная шуба и меховая шапка выгодно отличались от скромного одеяния шофера. Лицо генерала было красным не столько от мороза, сколько от недавнего совещания и, вероятно, обильного обеда.

Увидев начальство, парень мгновенно прекратил свой танец и, подтянувшись, быстро скользнул к машине, открывая заднюю дверь для генерала. Тот тяжело опустился на сиденье, отдуваясь, словно вес государственных дел физически давил на его плечи.

– Поехали, – коротко бросил он, махнув рукой в сторону дороги.

Шофер ловко занял свое место за рулем, и ЗИС-5 тронулся с места, оставляя за собой шлейф выхлопных газов, смешивающихся с морозным воздухом.

Некоторое время они ехали молча. Генерал, казалось, был погружен в тяжелые размышления, а молодой шофер сосредоточенно вел машину по скользким улицам Астрахани, искусно объезжая ямы и снежные заносы.

– Тимофей, – внезапно нарушил молчание генерал, обращаясь к водителю.

Молодой человек украдкой взглянул в зеркало заднего вида и кивнул, показывая, что слушает.

– Что ты можешь сказать о данной ситуации? – голос генерала был усталым, но в нем слышалось искреннее любопытство.

Тимофей несколько секунд помолчал, словно собираясь с мыслями, затем ответил прямо, без лишнего подобоострастия, но и без панибратства:

– Товарищ генерал, мне, как простому русскому мужику, всё кратко и по-своему, – его голос звучал молодо, но в нем уже угадывалась мужская твердость. – Я думаю, товарищ Сталин слишком сильно верит в то, что Германия пакт о ненападении будет соблюдать. По мне, этот Гитлер нападет на нас и глазом не моргнув. Нужно действовать, товарищ генерал, хотя бы оружие, на всякий случай, изготовить побольше.

Тимофей говорил без лишних прикрас, без “поцелуев золотого перстня”, как называли в народе чрезмерную лесть начальству. Его ладони крепко сжимали руль, а во взгляде читалась искренняя тревога за судьбу родины.

Генерал Минусов тяжело вздохнул, и в этом вздохе было больше информации, чем в длинных речах.

– Эх, Тимоша, Тимоша... – он потёр рукой заиндевшее стекло. – Я ему то же самое говорю по телефону, а он всё одно: мол, я своё дело знаю и уверен, товарищ Минусов... Хоть кол на голове теши – ничего не поймёт!

Машина неторопливо двигалась по заснеженным улицам. За окнами мелькали типичные для Астрахани дома – смесь старинных купеческих особняков и новых советских построек. Люди, закутанные в тёплую одежду, спешили по своим делам, борясь с пронизывающим ветром.

– Товарищ Сталин человек сильный, крепкий, – продолжил Тимофей, осмелев от неожиданного откровения генерала. – Но он почему-то пакту о ненападении верит, а простым гражданам не хочет верить, когда они правду говорят. Ну ведь врёт, собака-Германия!

От эмоций он даже стукнул по рулю, тут же спохватившись и виновато глянув в зеркало. Но генерал, казалось, не заметил этой вольности.

К тому времени они уже подъезжали к дому генерала – солидному зданию в центре города, где располагались квартиры высшего командного состава. Тимофей аккуратно притормозил у парадного входа, но двигатель не глушил – в такой мороз это было чревато проблемами при повторном запуске.

– Тимоша, ответь мне на один вопрос, как человек человеку, – проговорил генерал неожиданно мягким, почти отеческим тоном. Его усталые глаза внимательно смотрели на молодого шофёра.

– Конечно, товарищ генерал, слушаю, – живо отозвался Тимофей, разворачиваясь к начальству.

– Все ли люди добрые? – вопрос прозвучал неожиданно философски. – Вот скажи, как деревенский парень, а не как шофёр моей машины!

В голосе генерала появились строгие нотки, будто от ответа зависело что-то важное.

Тимофей задумался. За окном крупными хлопьями падал снег, укрывая город белым покрывалом. Этот вопрос застал его врасплох, но не поставил в тупик.

– Знаете, товарищ генерал, – начал он после короткого размышления, – я думаю, что люди рождаются добрыми все без исключения.

Он помолчал, подбирая слова, затем продолжил:

– Но эта самая доброта – она как хрусталь и закалённое стекло. Хрусталь: один щелбан по стеночке, и он уже треснул, разбился. А закалённое стекло: даже сильные удары с трудом его разобьют.

Тимофей говорил медленно, словно сам обдумывал эту мысль в процессе разговора. Его серые глаза смотрели куда-то вдаль, сквозь заснеженное стекло автомобиля.

– Вот и доброта такая же: у кого-то это закалённое стекло, остаётся с ними до конца их дней, у кого-то хрусталь – теряют его очень быстро и подчиняются жестокому миру, – он на мгновение замолчал, затем добавил с неожиданной искренностью: – А я верю, все люди могут быть хорошими, только не все этого могут в итоге принять и сохранить в себе.

Генерал Минусов слушал внимательно, не перебивая, и в его взгляде читалось что-то похожее на уважение. Однако он решил проверить глубину мысли молодого человека:

– А если человек из удовольствия мучает и калечит, при этом не чувствует совсем никаких угрызений совести? – спросил он, явно желая заставить Тимофея врасплох.

Но тот ответил без промедления, и в его голосе звучала твёрдая убежденность:

– А это, товарищ генерал, не человек – это чудовище, у которого нет ни хрустала, ни закалённого стекла. Чудовище, которое никогда не узнает ни любви, ни дружбы.

Взгляд Тимофея стал жёстче, в нём промелькнуло что-то суровое, не соответствующее его юному возрасту.

– Да им этого и не надо, раз они чудовища. Все эти чувства для них ничемны, – закончил он с нотой презрения в голосе.

Генерал Минусов некоторое время молчал, словно обдумывая услышанное, затем его лицо расплылось в довольной улыбке:

– М-да, так молод... а мысли зрелые, – он похлопал Тимофея по плечу. – Ладно, отдыхай, боец. На сегодня всё.

С этими словами генерал, кряхтя, выбрался из машины и, не оглядываясь, направился к подъезду своего дома. Тяжелая дверь за ним закрылась, отрезая от морозного воздуха.

Тимофей проводил начальство взглядом и, убедившись, что тот благополучно зашел в дом, тронулся с места. Машина медленно поехала по заснеженной улице, оставляя за собой две параллельные колеи.

«Интересно... кого на этот раз забрали?» – мелькнула в голове Тимофея мрачная мысль, когда он проезжал мимо здания НКВД. Он, как и все в те времена, прекрасно знал, что любой может оказаться под подозрением, что каждый сосед потенциально может наступать партии о “предателях родины”. После чего их под покровом ночи заберет черный воронок, и люди просто исчезнут, словно их никогда и не существовало.

Даже Тимофей, при всей своей простодушной честности, понимал, что это может произойти и с ним. Поэтому, как и все в те тревожные годы, он держал наготове небольшой чемоданчик с самым необходимым. Но, в отличие от многих, спал спокойно и не мучился мыслями о том, что его заберут. В душе он был чист и не видел за собой вины.

Он был простым русским парнем, выросшим в семье, где уважение к старшим и трудолюбие ценились превыше всего. Тимофей слушался мать и отца, чтил их учения и мудрость, впитанную с молоком матери. Он никогда бы не стал глумиться над слабым и беспомощным, никогда не поднял бы руку на женщину, что бы она ему ни сделала. Он был из тех, кто готов до последнего вздоха защищать родную землю, не щадя себя.

Машина остановилась у большого многоквартирного дома, где Тимофей делил комнату в коммуналке с еще двумя рабочими. Заглушив мотор, он некоторое время сидел неподвижно, глядя на падающий снег и размышляя о разговоре с генералом. Затем, решительно вздохнув, вышел из машины в морозную ночь.

Астрахань погружалась в сон, укрытая снежным одеялом, не подозревая о том, какие испытания готовит ей и всей стране наступающий 1941 год.

Никто из этих троих не знал о будущем, каждый жил в своих мирах и не боялся себя, но беспокоился за судьбу своей страны, даже не подозревая что судьбы этих людей связаны, словно проклятием.

ГЛАВА ПЕРВАЯ: СЕРЕДИНА 1941 – СЕРЕДИНА 42 ГОДА

21 Июня 1941 года. Энгель сидела в машине и курила сигару, довольно наблюдая, как самолеты Вермахта летят в сторону СССР, продолжая курить, Энгель смотрела на сестру, которая с некоторым страхом смотрела в небо, на стальных птиц, несущих бомбы, Агнет было больно от одной мысли, что они просто летят убивать ни в чем не повинных людей, как врач она считала это абсолютно не правильным, но против сестры она не хотела идти, так как очень её любила и терпела это. Но в одном она была солидарна с сестрой: французов необходимо было приструнить – ещё до войны она была знакома с несколькими, все они оставили негативное отношение к себе своим поведением и мировоззрением.

Энгель же считала, что они все делают правильно, нацистская пропаганда очень сильно засела в её голове. Особенно по отношению к евреям, которых уже целыми группами травили и сжигали. Садистка испытывала отвращение ко всем завоёванным в первые два года странам Европы. её возмущал не тот факт, что они противились, а то, что они так быстро сдались, совсем не удовлетворив её желание войны, поэтому, единственная надежда была только на СССР, развеять её скуку и сломить сильного противника, который даст ей приятное ощущение соперничества.

Офицер так увлеклась размышлениями, что совсем не заметила, как её сестра пошла за двумя немецкими офицерами, ниже ранга Энгель, а когда повернулась, осознала, что Агнет куда-то делась. Вышла из машины и увидела её рядом с Миллером, который ей что-то объяснял, Гауптман подошла к нем и поприветствовала Генерал-лейтенанта. Генрих Миллер решил, что лучшая медсестра должна направится вместе с другими лучшими медиками, с лучшими войсками Вермахта, для совершения Блицкрига. Энгель подчинилась приказу Генерал-лейтенанта. Отвела сестру в сторону, дабы поговорить на парочку тем.

– Агнет, запомни, когда Германия победит, все будет хорошо, нужно только немного подождать и потерпеть. Ты же сделаешь это, ради меня? – улыбнулась Энгель, ведь несмотря на всю садистскую натуру, сестра была для нее рычагом, который мог на время утихомирить её желание убивать.

– Дорогая сестра, я буду держаться столько, сколько потребуется, ради счастливого будущего, – улыбнулась Агнет грустной улыбкой, Энгель обняла сестру, после чего развернулась и пошла к Генерал-лейтенанту, докладывать, что Агнет готова. Миллер возлагал большие надежды на этот Блицкриг, который поставит в войне точку, а самое главное – вернет Германии былое величие.

22 Июня 1941 года. Полдень в Москве выдался необыкновенно ясным и теплым. В воздухе витал аромат цветущих лип, а небо, безоблачное и высокое, словно отрицало саму возможность любой беды. Но Тимофей, ожидавший генерала Минусова у парадного входа Кремля, чувствовал тревогу, сжимавшую его сердце железными тисками.

Он стоял, прислонившись к нагретому солнцем борту своего ЗИС-5, и напряженно всматривался в тяжелые ворота. Сквозь приоткрытое окно машины доносились отрывки радиопередач – веселые мелодии, бодрые голоса дикторов, но они казались Тимофею неуместными, фальшивыми. Что-то произошло, что-то непоправимое – он ощущал это каждой клеточкой своего тела.

Тимофей не понимал, почему генерала Минусова так срочно вызвали в Кремль, но предчувствие, это необъяснимое шестое чувство, подсказывало ему, что случилось нечто ужасное. Он механически поправил фуражку, вытер вспотевшие ладони о форменные брюки.

Наконец тяжелые двери распахнулись, и на широкую лестницу вышел генерал Минусов. Тимофей едва узнал своего начальника – всегда подтянутый, с гордо поднятой головой, сейчас он казался постаревшим на десять лет. Его лицо было мертвенно-бледным, глаза потухшими, а походка утратила обычную твердость.

– Товарищ генерал, что произошло?! – не выдержав, с нескрываемым волнением громко выкрикнул Тимофей, бросаясь навстречу.

Минусов поднял на него глаза, в которых застыло что-то среднее между ужасом и обреченностью. Его губы, обычно твердо сжатые, теперь дрожали, как у ребенка, готового расплакаться.

– ...Война, Тимоша... Война, – слова прозвучали как приговор. Генерал достал платок и вытер выступивший на лбу холодный пот.

Тимофей почувствовал, как земля уходит из-под ног. Несколько секунд он стоял, оглушенный этим коротким словом, вместившим в себя всю боль, весь ужас, всю жестокость мира.

– Значит, сволочи, и вправду напали, – вздохнул он наконец, осознавая, что все эти три года после их разговора в заснеженной Астрахани были просто отсрочкой неизбежного. – Что же подумают люди...

Его голос затерялся в внезапно наступившей тишине. Казалось, весь город, вся страна замерла, затаив дыхание.

И тут раздался голос, который невозможно было спутать ни с каким другим. Голос, который на протяжении всей войны станет голосом самой страны – сильным, непоколебимым, внушающим надежду даже в самые черные дни.

– Внимание, говорит Москва! – из уличных громкоговорителей, расположенных на площади, раздался торжественно-скорбный голос Юрия Левитана.

В сердце Тимофея что-то болезненно кольнуло. Он вцепился в дверцу машины, чтобы не упасть, и замер, впитывая каждое слово, которое, он знал, навсегда изменит его жизнь и жизнь всей страны.

– Передаем важное правительственное сообщение. Граждане и гражданки Советского Союза! Сегодня в 4 часа утра без всякого объявления войны германские вооруженные силы атаковали границы Советского Союза.

По площади пронесся глухой ропот. Люди останавливались, прижимали руки к губам, женщины начинали тихо плакать, мужчины мрачнели на глазах.

– Началась Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!

Последние слова прогремели над площадью, словно клятва, данная от имени всего народа.

В эти мгновения Тимофей, словно через увеличительное стекло, видел каждое лицо на площади. Они были как открытые книги – страх, злоба, ненависть, а у некоторых даже странное моральное облегчение от того, что неизвестность наконец закончилась. Были и такие, кто сохранял безразличие, возможно, еще не осознав масштаба случившегося.

Но в этот момент молодой водитель также ясно понял, чего хочет он сам. Решение пришло мгновенно, твердое и бесповоротное.

– Товарищ генерал, прошу отправить меня сразу на фронт, родину защищать! – выпалил он, вытянувшись по стойке смирно перед своим командиром.

В его голосе звучала такая убежденность, такая готовность отдать всего себя без остатка, что генерал Минусов не нашел в себе сил возразить. Он лишь внимательно посмотрел на молодого водителя, словно пытаясь запомнить его черты.

– Тимофей, ты куда ринулся-то? – покачал он головой, но в его голосе не было осуждения, скорее, глубокая отеческая тревога. – Хотя, дело твое. Отпускаю на службу.

Тимофей отдал честь, благодарно кивнул и, не тратя ни минуты, побежал к ближайшему пункту по приему добровольцев. Его шаги, четкие и решительные, отдавались эхом в гулких московских переулках.

Пункт приема уже был переполнен. Молодые и не очень мужчины, вчерашние студенты, рабочие, служащие – все стремились попасть в ряды защитников отечества. Очередь растянулась на несколько кварталов, но Тимофей был настойчив. Он ждал своего часа, наблюдая за лицами тех, кто, как и он, пришел добровольцем.

Кто-то шутил, пытаясь скрыть нервозность, кто-то хмуро молчал, кто-то прощался с близкими – сцены, которые повторяются тысячи раз по всей необъятной стране в эти первые дни войны.

Когда наконец дошла его очередь, Тимофей уверенно заявил о своем желании попасть на фронт. Однако, то ли из-за наплыва добровольцев, то ли из-за переизбытка людей в некоторых войсках, его определили в стрелковую часть. Это вызвало у него возмущение – ведь он был опытным водителем и мог принести больше пользы за рулем военной техники, но его доводы никто не стал слушать. Время не ждало, враг рвался вглубь страны.

Через несколько часов ему выдали форму. Грубая ткань гимнастерки казалась непривычной после его обычной одежды, но Тимофей быстро переоделся, став внешне неотличимым от сотен других новобранцев.

После короткого инструктажа их группу погрузили в грузовики – те же ЗИС-5, которыми он сам недавно управлял. Теперь же Тимофей сидел в кузове, плечом к плечу с такими же молодыми добровольцами. Их везли к железнодорожной станции, где уже стоял готовый к отправке эшелон.

Мысли роились в голове Тимофея, как встревоженные пчелы. «Если так подумать... никто по мне плакать не будет. Сирота ведь, наверное, это даже к лучшему!» – размышлял он, глядя на проплывающие мимо московские улицы. В этой простой мысли не было ни горечи, ни сожаления – лишь спокойное принятие своей судьбы. Он считал, что человек, за которого никто никогда не будет переживать – лучший кадр на войне. Нет тех, кто будет страдать, получив похоронку.

Грузовик подпрыгивал на неровностях дороги, и парни, сидящие в кузове, сталкивались друг с другом. Именно в один из таких моментов Тимофей оказался рядом с рыжеволосым парнем примерно его возраста. У него были яркие зеленые глаза, веснушчатое лицо и открытая улыбка. Военная форма висела на нем мешком, явно будучи на пару размеров больше, чем требовалось.

– Эй, ты откуда? – поинтересовался рыжий, дружелюбно подмигнув Тимофею.

– С Астрахани, водителем генерала был. Пошел добровольцем, – ответил Тимофей, чувствуя странное облегчение от возможности с кем-то поговорить. – А ты откуда?

– А, я с Ленинграда. Ну... не совсем оттуда, с глубинки я, – рыжий широко улыбнулся, словно рассказывал о чем-то радостном, а не о начале самой страшной войны в истории. – У меня там мамка и бабкой туда переехали. Батяка помер, как и дед. Меня Антошкой зовут, но знакомые называют Антошка-дурачок!

В его голосе не было ни капли смущения или обиды из-за такого прозвища. Он произнес его с той же радостной интонацией, с которой говорил все остальное.

– А почему дурачок? – поинтересовался Тимофей, невольно начиная проникаться симпатией к этому странному парню.

Он оглянулся на остальных призывников. В отличие от его нового знакомого, большинство из них сохраняли напускную серьезность, пытались выглядеть суровыми и непоколебимыми. Тимофей видел в этом лицемерие – они старались притвориться, что готовы к войне, что они непременно выживут и вернуться с победой. Но опыт жизни и какая-то внутренняя

мудрость подсказывали ему, что именно такие, с их показной храбростью, умирают в первую очередь. Таковы жестокие правила войны.

– Да потому что слишком радостный, – ответил Антон, ничуть не смущаясь. – Все говорят, что я на жизнь неправильно смотрю, слишком легко. А я думаю – чего хмуриться-то? Жизнь и так коротка.

Он слегка толкнул Тимофея плечом, как старого друга.

– Ну так, как тебя звать, милый друг?

– ...Я Тимофей, – после небольшой паузы ответил парень. – Но знакомые меня никак не называют, я сирота.

Он произнес это просто, без самосожаления или желания вызвать сочувствие. Просто констатация факта, часть его жизни.

– А-а-а... Сочувствую, – Антон протянул ему руку, и в его зеленых глазах промелькнуло что-то глубокое, понимающее, несмотря на всю его внешнюю легкомысленность. – Надеюсь, мы не умрем раньше времени.

Эта фраза, сказанная с неизменной улыбкой, почему-то не показалась Тимофею кощунственной или неуместной. В ней была та прямота и честность, которая ему импонировала.

– Надеюсь, – просто ответил он, крепко пожимая протянутую руку.

В этот момент Тимофей почувствовал, что, возможно, нашел друга – первого за долгие годы одиночества, а может быть, единственного за всю свою короткую жизнь. Они сидели рядом, два молодых человека из разных уголков огромной страны, объединенные общей судьбой и надвигающейся грозой войны.

Грузовик продолжал свой путь к железнодорожной станции, где их ждал эшелон, готовый отправиться к фронту. Впереди были долгие дни войны, испытания, о которых они еще не могли даже догадываться. Но в этот момент, в кузове трясущегося ЗИС-5, между ними зародилась дружба, которая, возможно, станет одним из немногих светлых пятен в надвигающейся тьме.

Москва оставалась позади – город, который им, возможно, не суждено будет увидеть снова. Впереди была война, и они ехали ей навстречу с тем мужеством, которое всегда отличало русского солдата – без лишних слов, без громких фраз, просто выполняя свой долг перед Родиной.

16 Августа 1941 года. Осеннее небо над русской деревушкой было затянуто низкими, тяжелыми облаками, из которых моросил мелкий, пронизывающий дождь. Влага смешивалась с пылью и превращала дороги в вязкую жижу, затрудняя передвижение техники и людей. Но для операции «Тайфун» – масштабного немецкого наступления на Москву – такие погодные условия были лишь незначительным препятствием.

Агнет Вульф, медсестра одного из медсанбатов, следующих за передовыми частями Вермахта, стояла на окраине деревни, куда они прибыли несколько часов назад. В воздухе стоял запах сырости, дыма и чего-то еще – тяжелого, металлического, от которого к горлу подступала тошнота. Запах беды.

С самого начала кампании на Восточном фронте Агнет прочувствовала всю жестокость и бесчеловечность, которую несла с собой армия Вермахта. Еще во время польского похода она видела достаточно, чтобы понять – это не просто война за территории. Это война на уничтожение, война, в которой не действовали законы человечности и сострадания.

Но то, что происходило сейчас в этой русской деревне, превосходило все, что ей довелось видеть раньше.

Деревушка была крохотной – десятка полтора бревенчатых изб с соломенными крышами, несколько хозяйственных построек, старая церквушка с покосившимся куполом. Люди здесь жили простые, преимущественно старики, женщины и дети – мужчины были призваны в Красную Армию еще в первые дни войны.

Когда немецкие части вошли в деревню, сопротивления им не оказывали – да и кому было сопротивляться? Но это не остановило карателей. По отработанному сценарию жителей согнали в центр деревни. Дрожащие от страха старики, плачущие женщины с детьми на руках – они стояли молча, лишь изредка переговариваясь шепотом, и с ужасом смотрели на вооруженных до зубов захватчиков.

Затем последовал приказ, который Агнет услышала, стоя в отдалении, разбирая медикаменты для раненых: всех жителей загнать в большой амбар на краю деревни. Молодых женщин и девушек отделить.

С холодным ужасом она наблюдала, как безоружных людей, подгоняя прикладами, гнали к старому деревянному амбару, стоявшему на пригорке. Молодые девушки, отделенные от общей массы, кричали и сопротивлялись, но их сопротивление было бесполезным против вооруженных солдат.

Агнет хотела отвернуться, не видеть, что будет дальше, но какая-то часть ее – та, что еще верила в человечность, в возможность остановить это безумие – заставляла смотреть. Словно свидетельствовать об этом кошмаре было ее долгом перед теми, кто не сможет рассказать.

Она видела, как солдаты, смеясь и отпуская грубые шутки, разбирали симпатичных девушек, словно вещи, и уводили их в пустующие избы. Крики и плач разносились по всей деревне, но никто не спешил на помощь – немецкие офицеры и солдаты либо принимали участие в этом варварстве, либо равнодушно наблюдали со стороны.

А потом произошло то, что окончательно сломало что-то в душе Агнет.

Амбар, в котором были заперты остальные жители – старики, матери с детьми, подростки – внезапно вспыхнул. Огонь, словно живое существо, быстро охватил старое деревянное строение. Черный дым поднимался к серому небу, а из-за запертых дверей и окон донеслись душевраздирающие крики и вопли.

Люди внутри бились в запертые двери, пытались выбраться через маленькие окна под крышей. Некоторые матери, обезумев от отчаяния, пытались спасти хотя бы своих детей – просовывали их через узкие окошки амбара, надеясь, что снаружи найдутся милосердные души, которые спасут малышей.

Но милосердия не было. Солдаты Вермахта, стоявшие в оцеплении вокруг горящего амбара, хватали выброшенных детей, поднимали их высоко над головой, словно рассматривая, а затем с хохотом бросали обратно в огонь.

Агнет в этот момент не могла поверить собственным глазам. Кадры этой жестокой расправы просто не могли быть восприняты ее сознанием, которое отвергало их, как смертельную болезнь. Ее затрясло, и тело, несмотря на теплый день, покрылось холодным потом. В ушах стоял непрекращающийся звон, сквозь который пробивались крики горящих заживо людей.

«Как? Почему? Это и есть то, о чем говорил фюрер? Это и есть великая миссия Германии?» – в ее голове сейчас творился сущий бардак из обрывков мыслей, которые она не могла собрать воедино.

Она не сразу заметила молодого офицера, который неспешно прохаживался неподалеку, с видимым удовольствием наблюдая за происходящим. Вся его униформа была безупречно чистой, стального цвета, даже сапоги оставались незапачканными, так как он тщательно выбирал, где ступать, предпочитая сухие участки дороги. Его выхоленное лицо с идеально выбритыми щеками и аристократическими чертами выражало холодное удовлетворение.

Он создавал образ человека, который всегда хотел оставаться чистым, делая грязные вещи руками своих подчиненных. Блестящие награды на его груди говорили о том, что он не раз отличился в боях, но Агнет сомневалась, что этот человек когда-либо рисковал собственной жизнью.

– И так будет с каждым врагом Германии! – высокомерно заявил офицер, поправив фуражку элегантным движением затянутой в перчатку руки. Он говорил достаточно громко, явно рассчитывая, что его услышат подчиненные и проникнутся его убежденностью.

Агнет, не выдержав, резко обернулась. Все ее тело дрожало, но не от страха, а от ярости и отвращения, которые она больше не могла сдерживать.

– Каким врагом?! – крикнула она, сделав несколько шагов в сторону офицера. Ее голос, обычно мягкий и тихий, сейчас звучал пронзительно и резко.

Офицер вздрогнул от неожиданности и повернулся к ней. Несколько мгновений он рассматривал стоящую перед ним медсестру с явным недоумением, не привыкший к тому, что кто-то может выразить несогласие с его словами.

– Это простые люди! – продолжала Агнет, указывая рукой на горящий амбар. Ее голос дрожал, но она не отступала. – У них даже оружия нет! Там старики, дети... Как это может быть оправдано?!

Лицо офицера изменилось. Первоначальное удивление сменилось холодной надменностью. Его тонкие губы растянулись в снисходительной улыбке, словно перед ним было непонятливое дитя, которому приходится объяснять простейшие вещи.

– Если бы оно было, моя дорогая, они бы сразу же начали по нам стрелять! – произнес он с нажимом, как будто разговаривал с умственно отсталой. – Эти русские свиньи иного обращения не заслуживают! Только те, кто принял Великий Третий Рейх, достойны пощады.

Он выпрямился во весь рост и задрал подбородок, словно орел, обзирающий свои владения. В его холодных глазах не было ни капли сомнения или раскаяния – лишь непоколебимая уверенность в собственной правоте и превосходстве.

Агнет почувствовала, как внутри нее поднимается волна такой ярости, какой она никогда раньше не испытывала. Рука сама собой сжалась в кулак, и она едва сдержалась, чтобы не ответить этому самодовольному чудовищу пощечину. Но какая-то часть ее – возможно, инстинкт самосохранения, а возможно, последние остатки рационального мышления – удержала ее от этого шага.

Она знала, что подобный поступок не только не изменит ничего, но и приведет к мгновенному наказанию. А она нужна здесь – пусть не этим несчастным в амбаре, которым уже ничем нельзя помочь, но другим раненым, которые все еще могут быть спасены.

Поэтому Агнет просто отвернулась, стиснув зубы так сильно, что на скулах заиграли желваки. Ее плечи дрожали от сдерживаемых рыданий и ярости.

Офицер, почувствовав свою победу в этом молчаливом противостоянии, усмехнулся и, не удостоив ее больше ни словом, ни взглядом, продолжил свою прогулку, направляясь ближе к амбару, чтобы лучше видеть происходящую там трагедию.

Агнет осталась стоять, глядя в землю. Она и раньше не любила всю эту идеологию, с которой выросла ее сестра Энгель, считая ее ложной и опасной. Но теперь она увидела истинную личину всего этого – не просто тоталитарного режима, но настоящего воплощения зла на земле.

Звуки пожара и предсмертные крики умирающих постепенно стихали. Агнет не заметила, как по ее лицу текли слезы, смешиваясь с морозящим дождем. Она плакала не только о тех, кто погибал сейчас в этом забытом Богом русском селе, но и о своей родине, о Германии, которая превратилась в монстра, о людях, которые стали палачами, о человечности, которая, казалось, была безвозвратно утрачена.

У нее не хватало духа выступить открыто против всего этого безумия. Она могла лишь держаться за единственное, что осталось неизменным – за свой долг врача. Она не бросит раненого, кем бы он ни был – немцем или русским, виновным или невинным. В этом был ее маленький, личный протест против бесчеловечности войны.

Сколько она так стояла, погруженная в свои мысли, Агнет не знала. Из оцепенения ее вывел резкий окрик:

– Медсестра! Чего стоишь? В медпункт, быстро! Раненые прибыли!

Агнет вздрогнула, машинально вытерла слезы и, собрав все силы, направилась к полевому госпиталю. Там, среди стонов и крови, среди жизни и смерти, она хотя бы могла что-то делать, могла хоть как-то противостоять волне бессмысленного уничтожения, которую несла с собой эта война.

Амбар продолжал гореть за ее спиной, черный дым поднимался к небу, но крики уже стихли. И в этой тишине было больше ужаса, чем в самом громком крике.

20 Августа 1941 года. Энгель спокойно пила кофе в захваченном Париже, около Эйфелевой Башни. На её немецких знаках отличия виднелись новые немецкие нашивки, теперь она стала майором, благодаря своим успехам в захвате территории стран Европы. «Всегда мечтала тут побывать!», – довольно улыбнулась она, после чего взглядом проводила арестованных восстановивших, после чего послышались звуки выстрелов неподалеку.

– Фрау Вульф! – перед ней возник посыльный и протянул руку в кожаной перчатке, в которой было письмо, адресованное ей. – Вам письмо с фронта!

Майор взяла письмо и кивнула, посыльный сразу же побежал к машине и залез внутрь. Энгель вскрыла письмо и прочитала его: «Дорогая сестра, я пишу тебе с территории так называемого Минска. Я шокирована действиями наших солдат, столько невинных жертв. Я бы поняла, если бы это были солдаты, но это простые люди! Милая моя Энгель, прошу, ответь мне и скажи, что это лишь что-то то, чего я не могу понять. Твоя сестра, Агнет!», – Энгель задумчиво посмотрела вперед. Она не особо почувствовала вину за смерти людей, которые, по словам их фюрера настоящие звери. «Агнет-Агнет, твой гуманизм совсем не правилен!» – подумала она про себя, как вдруг, рядом перед ней оказался сам Миллер, она резко поднялась и воскликнула фашистское приветствие.

– Вольно, фрау Вульф. Я поражен Вашей решительностью и смелостью. Неудивительно, что Вы так дослужились до майора, – похвалил её Генерал-лейтенант. – Хочу спросить, что за письмо?

– Есть, гер Миллер. Это письмо моей сестры, где из-за своей искренней веры в то, что все на земле люди, не понимает наших стараний очистить наш мир от опасных наций, – призналась она, ничего не скрывая от своего прямого начальства.

– Зато она превосходный медик, – кивнул Миллер и пошел к своей черной бронированной машине. Когда он уехал, Энгель снова уселась на стул, продолжая пить из своей чашки.

Невольно, она начала вспоминать прошлое. Сиротой она защищала младшую сестру, которая была на шесть лет её младше, Энгель прекрасно знала, насколько в стране все ужасно и несправедливо, им приходилось мириться с неблагоприятными. До того момента, пока не появился Третий Рейх, она вошла в их ряды ещё совсем подростком, но даже такой её приняли, так как она была прирожденной немкой. Третий Рейх дал ей все, чего не дал ей прошлое государство, а потому она решила, что их фюрер был великим человеком, который приведет её любимую страну к процветанию. К тому же, по словам самого Гитлера, в разрушении их страны были виноваты продажные и алчные евреи.

Воспоминания о том, как она преследовала евреев, заставило её улыбнуться. Хотя несмотря на то, что все её мечты почти сбывались, чего-то она ещё желала, но не могла понять ничего, учитывая, что она была практически сиротой с детства, не получила самого важного в своей жизни, но чего именно не знала ни она, ни кто-либо еще.

10 Сентября 1941 года.

Тимофей и Антон прятались от взрывов в окопе, каски спасали от осколков и земли. Немцы наступали решительно и в полную силу, никто этого не ожидал из солдат.

– Сволочи! Забрать русскую землю хотят, фашисты поганые! – выкрикнул Антон, приподнявшись и выпустив всю обойму ППШ, после чего мигом лег в окоп, перезарядиться, Тимофей достал маузер, приподнялся и увидел трех бегущих немцев, выпустил всю обойму, убил всех троих.

– Тоша! Отступать надо! – крикнул Тимофей, ловя лицо рассыпчатую землю, поморщился и прокашлялся. – Поляжем ведь все!

– Бегу! – прогнувшись, Антон побежал к командиру их роты, тот сидел в окопе, с перебинтованной левой рукой, держал в руках пистолет Макарова. – Товарищ Лейтенант! Рядовой Крошин! Надо отступить!

– Приказа отступать не было! – крикнул Лейтенант, приподняв свою офицерскую фуражку. – Держим позицию, пока штаб...

– Да поляжем все к этому времени! – с явной злостью крикнул Антон, после чего поднялся и выпустил обойму в противников. – Патроны кончаются! А фашистов как будто рожают прямо тут!

– Товарищ Лейтенант! Пришел приказ! – крикнул подбежавший поручик. – Приказ отсту... – он не договорил, снаряд от противотанкового ружья попал прямо в голову, кровь выплеснулась на одежду офицера и Антона, отчего рядовой прижался к стенке траншеи и тяжело задышал.

– Рядовой! Сообщи своим отступать! Отступаем на восток! – крикнул лейтенант, Крошин пополз на корячках, чтобы его тоже не задело. Подполз до сидящего и ошеломленного Тимофея, он держал в руке последнюю гранату.

– Тимоха! Отступаем! Отступаем! – кричал во весь голос Антон, после чего закашлялся.

– Отступаем, братцы! Валив-валим-валим! – поддержал его Чернов и бросил гранату несмотря через окоп, солдаты начали перекрикивать, сообщать другим. Отстреливаясь, и отходя назад. Многие матерились, более старые солдаты так и остались на месте, дабы молодые смогли уйти, нескольких уже убило взрывами.

Отступили вовремя, начали масштабные артиллерийские залпы давать с немецкой стороны. Ещё определенная часть Смоленска была отдана фашистским захватчикам. Уже был вечер, когда отступление прекратилось, немецкие артиллерии замолчали. У костра сидели несколько измотанных и уставших солдат красной армии, грелись перед ним, даже не пытались улыбнуться.

– Братишки! Кому кашицы? – подошел к ним мужик, налысо подстриженный, полноватый, с поварским чепчиком на башке, вместо пилотки. Солдаты довольно забормотали, получая каждый свою тарелку с кашей, готовил он, конечно, не мастерски и немного перебарщивал с солью, но во время боя такая каша была просто необходима, восстанавливала и энергию, и силу. – Кушайте, кушайте! Хороший солдат тот, кто идет в бой сытый!

Тимофей и Антон сидели на обломках дома, оба были с опущенными головами, обоим было очень обидно, что они сдали часть Смоленска. Немцы продвигались словно их никто и не сдерживал. Злоба была в сердце у Чернова, ненависть к самому себе, он ощущал себя слабым человеком, не в силах защитить собственную родину. Антон будто почувствовал эту ненависть, положил руку на плечо своего друга.

– Тимоша, не злись на себя, мы проиграли битву, но не войну! Поверь мне, однажды, мы прогоним фашистов. Защитим нашу Родину и спасем мир! – сказав это Антон довольно посмотрел на ночное небо, но из-за дыма горящих костров небо было по большей части закрыто, но все же он смог разглядеть там созвездие одно. – Эй, гляди. Это случаем не Орион? – поинтересовался он у друга, указав рукой на созвездие, Тимофей посмотрел туда и, на удивление, смог улыбнуться.

– Ага, это его пояс! – подтвердил Чернов, после чего посмотрел на остальных солдат. – Надеюсь, доживем до того дня, когда все это закончится.

– Вот только, – Антон посмотрел в сторону, откуда они отступали, его внимание привлекла окровавленная колючая проволока, а за ней солдатская каска, с пробитой дырой от снаряда. – По ту сторону проволоки... нас ждет смерть.

Тимофей посмотрел туда и перестал улыбаться, после чего прищурился и снова опустил голову. Антон достал странный кулон и открыл его, Чернов с интересом глянул, а небольшую фотографию, там были две женщины и маленький мальчик, лет пяти от роду.

– Твой? – поинтересовался он, Антон грустно улыбнулся.

– Мамка и бабка. Мне пять лет было, когда фотографию делали. Бати я не помню, помер он. Но все равно, жили нормально острой нужды не было. Бабка, все никак от Бога своего отказаться не может. Все молится ему да молится.

– А есть ли Бог-то? – прищурился Тимофей, явно не любя подобные разговоры. – Если бы он был, такого бы не допустил.

– Мне бабка перед уходом так сказала: «Бог не будет с нами нянчиться, покуда сами наворотили делов, которые сами и можем решить, а иначе урока не извлечем...» – или что-то типа того. Пока урок не извлечем.

– А сам веришь, в Бога этого?

– Не знаю, иногда очень хочется верить, а иногда и знать о подобном не хочется. Скажем так: я знаю, но не интересуюсь.

Они замолчали, наблюдали за тем, как все укладывались спать, укутавшись с импровизированные пледы, начало холодать и ветер подул в их сторону. Антон и Тимофей тоже собрались спать, улеглись поудобнее, насколько это было возможно, Чернов закрыл свои глаза, а Крошин смотрел в небо.

– Что же мы людям скажем? – спросил он вслух самого себя, понимая, что Смоленск им не спасти.

10 сентября 1941 года.

Смоленск пал.

Город, стоявший на пути к Москве более восьми веков, переживший монгольские нашествия, литовские осады, польские захваты и наполеоновское вторжение, теперь находился в руках немецких захватчиков. Его древние стены, видевшие столько войн, снова стали свидетелями человеческой жестокости.

Колонны советских войск и гражданского населения отступали по просёлочным дорогам, стараясь держаться подальше от основных магистралей, где их могли обнаружить немецкие самолёты-разведчики. Пыль, поднимаемая колёсами грузовиков и тысячами усталых ног, висела в воздухе плотным маревом, затрудняя дыхание и застилая глаза.

В кузове одного из грузовиков ЗИС-5, потрёпанного и покрытого пылью, сидели измождённые солдаты – остатки стрелкового батальона, принявшего на себя один из главных ударов немецкого наступления. Их лица были покрыты копотью и запёкшейся кровью, форма превратилась в лохмотья, а глаза смотрели в никуда – взгляд людей, видевших слишком много смерти.

Тимофей Чернов сидел, прислонившись спиной к борту машины, механически сжимая и разжимая кулаки. Его лицо, некогда открытое и полное надежды, теперь застыло в маске усталости и едва сдерживаемой ярости. За месяц боёв он повзрослел на десять лет, потерял почти всю свою роту и увидел столько ужасов, что сон стал для него редким гостем.

Рядом с ним сидел Антон – его рыжие волосы потускнели от пыли и копоти, а веснушчатое лицо осунулось. От прежнего весельчака не осталось и следа. Теперь это был усталый, ожесточившийся молодой мужчина с глазами старика.

Антон бессмысленно водил пальцем по прикладу своей винтовки, уставшим взглядом осматривая остатки их подразделения – из семидесяти человек осталось едва ли пятнадцать. Остальные лежали в наспех вырытых могилах или остались непогребёнными на поле боя.

Параллельно с их грузовиком, по той же пыльной дороге двигалась другая машина – переполненная гражданскими: женщинами, стариками и детьми, которым удалось вырваться из оккупированного города. Их лица были искажены страхом и усталостью, многие плакали, кто-то молился, а дети, слишком маленькие, чтобы понять происходящее, просто тихо жались к своим матерям.

Воздух разорвал оглушительный звук выстрела. Мощное эхо прокатилось по лесу, вспугнув птиц. Через мгновение раздался чудовищный взрыв, и грузовик с беженцами превратился в огненный шар, подброшенный вверх страшной силой.

Тишина длилась не более секунды. Затем воздух наполнился криками раненых, воплями ужаса и звоном в ушах от близкого взрыва.

– Тигр! – крикнул кто-то из солдат. – Они подбили машину!

В просвете между деревьями, на возвышенности, которую только что миновали отступающие, виднелся силуэт немецкого тяжелого танка «Тигр». Его экипаж, очевидно, решил развлечься, расстреливая отступающих беззащитных гражданских, как в тире.

Обломки машины были разбросаны по дороге. Тела погибших, многие из которых были обезображены до неузнаваемости, лежали вперемешку с личными вещами – детскими куклами, фотографиями в рамках, чемоданами с одеждой. Несколько человек, чудом выживших при взрыве, ползли прочь от дороги, оставляя за собой кровавые следы.

Антон, сидевший на краю кузова, первым увидел эту картину во всей ее ужасающей полноте. Его лицо, только что безразличное и усталое, исказилось от ярости и боли.

– Суки! – закричал он, вскакивая на ноги и размахивая винтовкой. – Вы поплатитесь за это!

Его крик, полный неподдельной ярости и отчаяния, разнесся по лесу, заглушая на мгновение даже стоны раненых. Антон выстрелил в направлении далёкого танка – бессмысленный жест неповиновения, но в этот момент ему было всё равно. Он продолжал кричать, проклиная фашистов, их технику, их фюрера и весь их “новый порядок”.

Тимофей, видя состояние друга, быстро поднялся и крепко обхватил его за плечи.

– Тоша, успокойся, – тихо произнес он, усаживая Антона обратно на скамью.

Остальные солдаты в грузовике молчали, лишь склонив головы в знак скорби по невинным жертвам. Некоторые беззвучно шевелили губами, то ли молясь, то ли проклиная.

Антон уже не мог сдерживать эмоций. Всё напряжение последних недель, все потери, весь ужас войны прорвались наружу. Слезы потекли из его глаз – не тихие слезы печали, а горячие, яростные слезы человека, который слишком долго держал свои чувства под контролем.

– Тут уже ничего не сделать, – продолжал Тимофей, крепче сжимая плечо друга. Его голос был тихим, но твердым. – Мы проиграли Смоленск. Но это ещё не конец.

Он смотрел в глаза Антону, пытаясь передать ему свою решимость, свою веру в то, что не всё потеряно. Ведь за их спинами была Москва – сердце России, которое нельзя было отдать ни при каких обстоятельствах.

– Я не отдам им Москву! – крикнул Антон, вцепившись в гимнастерку Тимофея. В его глазах, еще мокрых от слез, зажегся огонь непокорности. – Пусть лучше я умру, чем увижу фашистов на Красной площади!

– Я тоже не отдам! Умру, но не отдам! – ответил Тимофей с такой убежденностью, что никто из слышавших не усомнился в искренности его слов.

Два друга крепко обнялись посреди кузова трясущегося грузовика. Антон всё ещё плакал, давая выход боли и гневу, накопившимся в его душе. А Тимофей, всегда более сдержанный, стиснул зубы, но и он не смог удержать одинокую слезу, скатившуюся по щеке и оставившую светлую дорожку на покрытом пылью лице.

Это был не просто жест поддержки между товарищами. Это была клятва, скрепленная общим горем и общей решимостью – стоять насмерть за свою землю, за свой народ, за будущее, которое они пока не могли даже представить.

Грузовик продолжал движение на восток, увозя солдат всё дальше от захваченного Смоленска. Впереди лежала Москва – последний рубеж, который они поклялись защищать ценой собственных жизней.

Триста шестьдесят девять километров. Именно такое расстояние отделяло Москву от Смоленска. Триста шестьдесят девять километров надежды и отчаяния, решимости и страха. Триста шестьдесят девять километров, которые предстояло пройти – шаг за шагом, метр за метром, – удерживая врага всеми возможными способами.

Для многих солдат и офицеров эти километры станут последними в их жизни. Кто-то попадет в плен, кто-то предаст, не выдержав испытаний. Но такова природа войны – она безжалостно обнажает как лучшие, так и худшие стороны человеческой натуры.

В войне нет победителей – есть лишь те, кто выжил, чтобы рассказать свою историю. Даже самые блестящие победы оплачены слишком высокой ценой, чтобы вызывать чистую радость. Они скорее напоминают поражения – столько горя и разрушений несут с собой.

Война всегда непредсказуема – сегодняшний враг может стать завтрашним союзником, если этого требуют интересы держав. Но больше всего от этих политических игр страдают простые люди – те, кто никогда не хотел участвовать в кровавой бойне, но оказался втянут в неё против своей воли.

И всегда, во все времена, война остаётся путём обмана. Обмана народов их лидерами, обмана солдат их командирами, обмана врага противником. И порой самый горький обман – это самообман, когда ты убеждаешь себя, что сражаешься за правое дело, за высокие идеалы, а на самом деле становишься лишь инструментом в чужих руках.

Тимофей и Антон, два простых русских парня, сидящие в кузове отступающего грузовика, ещё не знали, что их ждёт впереди. Они не знали, что им предстоит пройти через ад Московской битвы, увидеть и совершить поступки, о которых не расскажешь даже самым близким. Не знали, выживут ли они, увидят ли победу, о которой сейчас, летом 1941 года, можно было только мечтать.

Но они твёрдо знали одно – они не отступят. Не сдадутся. Будут сражаться до последнего вздоха.

Потому что за их спинами была Москва. А за Москвой – вся Россия.

15 сентября 1941 года.

Осень в Киеве выдалась необычайно яркой. Золотые листья каштанов устилали старинные улицы города, словно природа пыталась скрыть под своим великолепием разрушения, принесенные войной. Но даже самый густой ковер из листьев не мог заглушить звук тяжелых немецких сапог, эхом разносившийся по древнему городу.

Немецкие флаги с черной свастикой развевались над захваченными зданиями, а на стенах домов красовались плакаты на немецком и украинском языках, восславляющие новый порядок. Жизнь в городе текла в странном, неестественном ритме – местные жители пытались приспособиться к новой реальности, солдаты вермахта устанавливали свои порядки, а те, кто решил сотрудничать с оккупантами, старались доказать свою лояльность.

В одном из зданий бывшего советского госпиталя, наспех переоборудованного под нужды немецкого санитарного пункта, работала Агнет Вульф. День за днем она лечила раненых – немецких солдат и офицеров, местных жителей, получивших разрешение на медицинскую помощь, и изредка тех военнопленных, которых считали достаточно ценными, чтобы тратить на них лекарства.

Прямо над операционным столом висел огромный плакат с надписью на украинском: «Слався Велика Німеччина! Слався Гітлер! Слава Великій Україні!». Агнет часто ловила себя

на том, что смотрит на эти слова, пытаюсь понять, как в одном лозунге могут сочетаться прославление чужой страны и своей родины. Но, как медик, она не имела права на подобные размышления – ее долг был лечить, а не рассуждать.

В то утро Агнет закончила перевязку раненого немецкого лейтенанта и вышла на улицу, чтобы немного проветриться. Воздух был свежим, с легким привкусом дыма и осенней прохлады. Она прислонилась к стене здания, закрыв глаза и позволив себе несколько секунд отдыха.

Внезапно тишину нарушил нарастающий шум – звук тяжелых шагов, окрики на немецком, глухой ропот множества голосов. Агнет открыла глаза и увидела приближающуюся колонну военнопленных советских солдат.

Это было душераздирающее зрелище. Десятки, если не сотни мужчин в изорванной форме, многие без обуви, с кровоточащими ранами, брели под конвоем немецких солдат. Их лица были покрыты грязью, запекшейся кровью и многодневной щетиной. Глаза – пустые, безжизненные, смотрели в никуда. Они были настолько истощены, что казались скорее призраками, чем живыми людьми.

Агнет почувствовала, как сердце сжимается от жалости. Эти люди, враги ее страны по определению войны, выглядели такими беззащитными, такими человеческими в своем страдании. Она вспомнила слова Гиппократы, которые всегда считала своим главным принципом: “Я направлю режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением, воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости.”

Но времени на размышления не было. Как только колонна поравнялась с госпиталем, произошло нечто, что заставило кровь Агнет застыть в жилах.

Из-за угла выскочила группа украинских “полицаев” – местных жителей, пошедших на службу к немцам. Они были одеты в неполную немецкую форму с характерными повязками на рукавах. И, словно получив какой-то невидимый сигнал, они бросились на колонну военнопленных.

Без приказа, без предупреждения они начали избивать советских солдат дубинками, прикладами винтовок, пинать их тяжелыми сапогами. Они выкрикивали что-то на украинском языке – проклятия, оскорбления, обвинения. В их глазах горела такая ярость, такая ненависть, что казалось, будто именно эти измученные, полумертвые люди были причиной всех их бед, а не немецкие захватчики, стоявшие рядом.

Они избивали своих бывших соотечественников с такой яростью, с таким остервенением, что даже немецкие конвоиры выглядели удивленными этой вспышкой насилия.

Рядом с Агнет остановился немецкий офицер – гауптман из артиллерийского подразделения. Он был немолод, с седеющими висками и усталым, выдавшим виды лицом. Закурив папиросу, он некоторое время молча наблюдал за разворачивающейся сценой насилия.

– Украинские свиньи! – неожиданно прошипел он, выпуская струю дыма и прищуриваясь от яркого солнца.

Агнет бросила на него удивленный взгляд. Эти люди выполняли грязную работу за немцев, проявляли лояльность, делали всё, чтобы услужить новым хозяевам, и всё равно вызывали лишь презрение.

Офицер, заметив ее взгляд, криво усмехнулся:

– Не удивляйтесь, фройляйн. Эти... – он сделал неопределенный жест в сторону полицаев, – они предали свою страну, своих соседей, друзей. Они убивают собственных граждан, грабят дома и магазины. Такие предадут кого угодно, даже фюрера, как только почувствуют опасность.

Он затаился в последний раз и бросил окуроч на землю, раздавив его каблуком.

– Мы используем их, пока они полезны. Но доверять? Никогда.

С этими словами он отдал честь и удалился, оставив Агнет наедине со своими мыслями.

Она снова посмотрела на разворачивающуюся перед ней сцену насилия и впервые за долгое время почувствовала чистое, незамутненное отвращение. Не к врагам, не к абстрактному понятию “большевизма”, а к конкретным людям, которые в погоне за выгодой или из-за слепой ненависти превратились в чудовищ.

Но она была медиком. Ее долг был лечить, а не судить. И когда один из полицаев, получив отпор от измученного пленного, подошел к ней с рассеченной бровью, она автоматически достала бинт и антисептик, хотя все ее существо протестовало против помощи такому человеку.

Неожиданно для всех присутствующих на площади, к госпиталю подъехал элегантный черный Mercedes-Benz. Из него вышла высокая женщина в безупречной форме майора СС. Ее длинные каштановые волосы были аккуратно собраны под фуражкой, а на лице застыло выражение холодной решимости.

Агнет не сразу узнала ее – настолько неожиданным был этот визит. Только когда женщина подошла ближе, она с удивлением и радостью поняла, кто перед ней.

Энгель подкралась к сестре сзади, легонько обхватила ее за плечи и выдохнула табачный дым в сторону. Агнет от неожиданности вздрогнула, но, обернувшись и увидев родное лицо, расплылась в искренней улыбке. Они крепко обнялись, на мгновение забыв о войне, о своих разногласиях, о кровавом хаосе, творившемся вокруг.

Стоявший неподалеку младший лейтенант, заметив знаки различия на форме Энгель, поспешно отдал нацистское приветствие и отошел в сторону, не желая мешать высокопоставленному офицеру.

– Хм, Агнет. Ты похудела, моя дорогая. Хорошо питаешься? – с неподдельным беспокойством спросила Энгель, внимательно разглядывая сестру.

И в самом деле, Агнет заметно осунулась за последние месяцы. Ее некогда круглое лицо стало угловатым, под глазами залегли темные круги, а руки, всегда ухоженные, теперь были покрыты мелкими царапинами и мозолями от бесконечной работы.

– Все хорошо, дорогая сестра. Просто... столько работы, много раненных, – призналась Агнет, стараясь улыбаться.

Она не хотела тревожить Энгель рассказами о том, как часто ей приходилось работать сутками напролет, как не хватало медикаментов, как тяжело было видеть страдания людей, независимо от того, какую форму они носили.

В этот момент сцена насилия, разворачивавшаяся возле колонны военнопленных, достигла своего апогея. Один из разбушевавшихся полицаев, крупный мужчина с заплывшим от алкоголя лицом, с особой жестокостью избивал пожилого советского солдата. Тот, несмотря на истощение, нашел в себе силы ответить – ударил своего мучителя по лицу.

Полицай взревел от ярости и боли. Он оттолкнул солдата мощным пинком, направив его прямо в сторону стоящих сестер. Последний удар был такой силы, что рассек голову пожилого человека. Он упал к ногам Агнет и Энгель, мгновенно скончавшись от полученной травмы. Кровь брызнула на их одежду, теплая и липкая.

Обе сестры вздрогнули от неожиданного ощущения. Агнет застыла в шоке, глядя на мертвого человека у своих ног – человека, которому она могла бы помочь, если бы его не убили на ее глазах.

А полицай не унимался. Он продолжал орать что-то на украинском, проклиная советских солдат, коммунистов, евреев – всех, кого считал виновными в своих бедах. В его глазах горело безумие, а на губах выступила пена.

Энгель сначала смотрела на сестру, которую затрясло от шока, страха и плохо скрываемой ярости. Затем очень медленно перевела взгляд на разбушевавшегося полицая.

Тот, наконец успокоившись и осознав, что натворил, посмотрел на двух немков в форме. Его взгляд скользнул по их лицам, потом по знакам различия на форме Энгель, и он понял, что перед ним высокопоставленный офицер СС.

Но вместо страха или хотя бы уважения, на его лице появилась мерзкая, заискивающая улыбка. Он сделал шаг вперед, слегка покачиваясь – видимо, был пьян, – и попытался произнести что-то на ломаном немецком:

– Битте... верцаине... как там... Зие мир! – он явно пытался извиниться, но слова звучали издевательски, а в глазах не было и тени раскаяния.

Энгель заметила, что рука полица была забинтована – значит, ему оказывали медицинскую помощь, возможно, даже Агнет лечила его. И этот человек посмел поднять руку на беззащитного в присутствии ее сестры, испугать ее, заставить ее чистую форму медработника покрыться кровью невинного.

Движение было настолько быстрым, что никто не успел среагировать. Энгель выхватила свой Маузер С96 и выстрелила полицаю прямо в горло.

Звук выстрела разорвал относительную тишину, наступившую после инцидента. Полицай схватился за шею, из которой хлестала кровь, издал булькающий звук и упал на колени. Его глаза, еще секунду назад полные пьяной дерзости, теперь выражали чистый ужас и осознание приближающейся смерти.

Несколько мгновений он пытался что-то сказать, но из горла вырывалось лишь хрипение и бульканье крови. Затем он упал лицом вниз, прямо на тело советского солдата, которого только что убил.

Агнет стояла, парализованная шоком. Как медик, она должна была броситься на помощь, попытаться остановить кровотечение, сделать хоть что-то. Но ее тело отказывалось подчиняться. Она просто физически не могла заставить себя подойти к умирающему человеку, который минуту назад совершил убийство у нее на глазах.

Энгель, видя состояние сестры, легонько обхватила ее за подбородок и повернула голову к себе, не давая смотреть на умирающего полицая. Достав из кармана белоснежный платок, она нежно вытерла несколько капель крови с лица Агнет, а затем прижала сестру к своей груди в защитном жесте.

– Все хорошо, моя дорогая, все хорошо, – шептала она, глядя Агнет по волосам и не позволяя ей обернуться, чтобы увидеть уже мертвого полицая, лежащего на теле советского солдата.

Вокруг воцарилась мертвая тишина. Немецкие солдаты и офицеры, другие полицайи, даже измученные пленные – все замерли, наблюдая за этой сценой. Никто не смел вмешаться или выразить протест – ранг Энгель и ее уверенные действия не оставляли места для сомнений в ее авторитете.

Агнет, прижавшись к сестре, ощутила странное противоречие. Часть ее была благодарна Энгель за защиту, за то, что она наказала убийцу. Но другая часть, та, что верила в ценность каждой человеческой жизни, была в ужасе от легкости, с которой была отнята еще одна жизнь, пусть даже жизнь преступника.

Впрочем, Агнет оказалась сильнее, чем можно было предположить по ее хрупкому виду и мягкому характеру. Она не сломалась под тяжестью увиденных ужасов, не сошла с ума от постоянного соприкосновения с жестокостью войны, не поддавалась искушению закончить всё одним решительным шагом.

В мире, где человеческая жизнь обесценилась, где смерть стала обыденностью, она продолжала верить в свой долг – облегчать страдания, лечить, помогать. Это была ее форма сопротивления бесчеловечности войны, ее способ сохранить свою человечность.

Энгель отстранилась, внимательно посмотрела сестре в глаза и увидела в них не только шок и страх, но и непоколебимую внутреннюю силу.

– Пойдем отсюда, – тихо сказала она. – Тебе нужно отдохнуть.

Агнет кивнула, и сестры, не оглядываясь, пошли прочь от места трагедии, оставляя за спиной два мертвых тела – безвинную жертву и ее палача, соединенных в смерти в страшном символе этой безумной войны.

16 сентября 1941 года.

Энгель присутствовала на пытках, она получала удовольствие от того, как калечили немецкие солдаты партизан. Единственное, что её не устраивало, это насколько они быстро ломались. Она совсем не получала удовольствия от информации, которая доставалась офицерам так легко. майор даже была в некоторой степени разочарована противником. Несмотря на всю жестокость и любовь к боли и власти, Энгель хотела увидеть того, кто не сломается, таких среди молодых не было, а старым воякам нечего было терять.

Наконец майор решила сама немного помучить солдат. Достала иглу, и одному молодому рядовому начала просовывать её между ногтями, он кричал, но не выдавал ей ничего. Пока она не воткнула ему иглу в шестой палец. В итоге парень сдался и рассказал ей о том, что они отступают и уже не имеют сил сражаться.

– Этого в лагерь, – холодно сказала она, после чего направилась в свободную избу и начала писать письмо, которое должны были отправить Гитлеру. «Мой Фюрер, план Блицкриг почти выполнен. Русские войска зажаты между Москвой и Смоленском. Даю оценку, что через два месяца, мы захватим Советский Союз. Слава Третьему Рейху.». Закончив писать короткое, но полное гордости письмо, Энгель запечатала его и передала связному. Она была очень довольна своим поступком. Но в то же время она чувствовала глубокое разочарование. Русские войска так долго держались, а сейчас уже около Москвы. Один дом они держали больше, чем вся Европа вместе взятых.

– Сестра? – вошла в избу Агнет, Энгель улыбнулась и поставила рядом стул. Медик села на него и посмотрела на сестру. – Энгель, скажи, что ты будешь делать?

– Вернусь во Францию и продолжу свои дела, – честно призналась майор, положив ногу на ногу.

– Нет... Я не это имела ввиду. Когда война закончиться, что ты будешь делать?

– Вернусь к прежним обязанностям. Я же майор, – Агнет уже не решалась спрашивать сестру дальше, вместо этого она молча сидела и смотрела на портрет Сталина, порванный, расстрелянный и изуродованный. «Что нам сделал этот дядька со смешными усами? Выглядит очень дружелюбно...», – подумала про себя девушка. – Знаешь, Агнет. Я, даже разочарованна в этой войне. Как-то они быстро сдались. А держались очень сильно.

Агнет молчала. Ей было искренне жалко этих парней, некоторые даже моложе нее, а с ними поступают хуже, чем с животными.

20 сентября 1941 года.

Осеннее солнце, пробивающееся сквозь плотные кроны восточно-прусских деревьев, бросало причудливые тени на стены бункера, расположенного в лесистой местности близ Растенбурга. Здесь, в тщательно охраняемом комплексе, получившем название “Волчье логово” (Wolfschanze), располагалась ставка верховного главнокомандующего вооружёнными силами Германии.

В просторном кабинете, стены которого были отделаны темными деревянными панелями, царил напряжённая тишина, нарушаемая лишь скрипом пера по бумаге и отдалённым гулом работающих вентиляторов. Адольф Гитлер, фюрер Третьего Рейха, сидел за массивным дубовым столом, склонившись над документами. Его лицо, осунувшееся и бледное от постоянного пребывания в бункере, сохраняло сосредоточенное выражение.

Подписывая очередной распорядительный документ о передислокации войск на Восточном фронте, Гитлер поморщился от внезапной боли в желудке – следствие строгой вегетари-

анской диеты и постоянного нервного напряжения. Он прервался на мгновение, потирая виски и отгоняя приступ мигрени, который всё чаще преследовал его в последнее время.

Этим утром его настроение было лучше обычного. Сводки с Восточного фронта поступали обнадеживающие – немецкие войска продолжали наступление в направлении Москвы. Операция “Тайфун”, начатая в конце сентября, должна была стать решающим ударом по столице большевистской России.

Тишину кабинета нарушил стук в дверь. После короткого “Войдите”, произнесённого резким, отрывистым голосом фюрера, в помещение вошли трое высших офицеров вермахта. Их лица отражали смесь напряжения и удовлетворения – характерное выражение для тех, кто приносил хорошие новости, но всегда помнил о взрывном характере своего верховного главнокомандующего.

Первым заговорил генерал-фельдмаршал Вальтер фон Браухич, главнокомандующий сухопутными войсками. Его высокая фигура в безупречно сидящем мундире излучала уверенность, но глаза выдавали усталость от непрерывных дней планирования и руководства операциями.

– Мой фюрер, пришли новости с фронта, – начал он, слегка наклонив голову в знак почтения. – Наши войска прижали противника к их штабу. Группа армий “Центр” успешно продвигается на московском направлении. Танковые дивизии Гудериана уже в ста километрах от столицы. Советские войска отступают с тяжёлыми потерями.

Фон Браухич сделал паузу, выбирая слова для следующего заявления:

– Мы полагаем, что вся кампания может завершиться в нашу пользу в течение двух месяцев максимум. К Рождеству Москва будет нашей.

По лицу Гитлера пробежала тень удовлетворения. Он отложил перо, которым подписывал документы, и медленно поднялся из-за стола. Несмотря на невысокий рост и начинающуюся сутулость, его фигура всё ещё сохраняла властность и магнетизм, заставлявший окружающих безоговорочно подчиняться.

– Это прекрасные новости, мой друг, – произнёс он, и его обычно тяжёлый австрийский акцент стал заметнее от волнения. – Наконец-то мы близки к уничтожению большевистской угрозы. Россия будет поставлена на колени, и мы сможем обеспечить жизненное пространство для германского народа на востоке.

Фюрер подошёл к карте, занимавшей целую стену кабинета, и пристально посмотрел на красные флажки, отмечавшие продвижение немецких войск. Его пальцы, слегка подрагивающие – результат прогрессирующего заболевания, о котором знали лишь личный врач и ближайшие соратники – прошлись по линиям, обозначающим фронт.

Затем он решительно вернулся к столу и достал из выдвижного ящика чистый лист с официальным гербом Рейха, предназначенный для особо важных указов.

– Итак, всем офицерам, участвующим в наступлении на Москву, выдать повышение, – произнёс Гитлер, начиная писать. – Это прекрасный день для Германии. Наши храбрые солдаты заслуживают признания их заслуг перед Отечеством.

Генерал-полковник Франц Гальдер, начальник генерального штаба сухопутных войск, стоявший чуть поодаль, подался вперёд. Его худощавое, аскетичное лицо с глубоко посаженными глазами выражало сдержанное удовлетворение и одновременно некоторую настороженность. Он был известен своим аналитическим умом и способностью видеть потенциальные проблемы там, где другие замечали лишь успехи.

– Хорошо, мой фюрер, – сказал он, странно изогнувшись в полупоклоне. – А скажите, что нам сделать с этим советским диктором? Тем, чей голос постоянно звучит на всю Россию, поднимая моральный дух противника?

Гитлер, не прекращая писать, поднял взгляд. Его глаза, обычно невыразительные, блеснули холодной яростью.

– Того? Левитана? – он произнёс эту фамилию с явным отвращением. – За его голову я назначаю награду в 250 000 немецких марок. Он – символ большевистской пропаганды, и его устранение будет иметь не меньшее значение, чем захват десятка городов.

Генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, начальник Верховного командования вермахта, массивный мужчина с одутловатым лицом и выправкой старого прусского офицера, слегка приподнял брови. Несмотря на свою известную склонность соглашаться с любым решением фюрера, он не смог скрыть удивления.

– Это очень высокая цена, мой фюрер, – уважительно произнёс Кейтель, склонив голову в знак признания мудрости решения, даже если оно казалось ему чрезмерным.

Гитлер оторвался от бумаг и обвёл присутствующих тяжёлым взглядом.

– Нет, – отрезал он с неожиданной твёрдостью. – Это достойная цена для такого ценного человека. Голос этого еврея вселяет надежду в сердца наших врагов. Он создаёт иллюзию непобедимости большевистской России. Он говорит о победах, когда их войска разбиты и бегут. Такой человек опаснее целой дивизии.

Генералы, понимая, что решение принято окончательно, синхронно кивнули. Они знали, что когда фюрер говорил таким тоном, любые возражения были не только бесполезны, но и потенциально опасны.

– Будет исполнено, мой фюрер, – произнёс фон Браухич. – Я немедленно отдам соответствующие распоряжения.

Гитлер кивнул, давая понять, что аудиенция окончена.

– Хайль Гитлер! – отчеканили генералы, синхронно вскидывая руки в нацистском приветствии.

– Хайль! – ответил фюрер, уже возвращаясь мыслями к карте и предстоящим операциям.

Когда генералы покинули кабинет, Адольф Гитлер остался один. Он медленно поднялся из-за стола и принялся шагать по кабинету, погруженный в свои мысли. Операция “Барбаросса”, начатая 22 июня, должна была завершиться быстрой и решительной победой, но российские просторы, упорное сопротивление противника и начавшиеся дожди замедлили продвижение немецких войск.

Тем не менее, сейчас, в сентябре, ситуация выглядела обнадеживающе. Ленинград был блокирован, Киев пал, а танковые клинья неумолимо двигались к Москве. Возможно, ещё немного усилий – и большевистский колосс рухнет.

Гитлер подошёл к большому зеркалу в позолоченной раме, висевшему на стене кабинета. Он внимательно посмотрел на своё отражение: усталое лицо с характерными усиками, серые глаза, которые, казалось, видели то, что было недоступно другим – великое будущее Германии, тысячелетнего Рейха, который он создавал.

Выпрямившись и расправив плечи, Адольф Гитлер отдал честь своему отражению – жест, полный самоуважения и уверенности в собственной исторической миссии. В его глазах читалась непоколебимая вера в предстоящие великие свершения и в неизбежность окончательной победы.

Однако, в глубине его существа, в месте, которое он редко позволял себе исследовать, таилось смутное беспокойство. Русская зима приближалась, а немецкие солдаты всё ещё не имели зимнего обмундирования. Но эти мысли он гнал прочь, не позволяя им омрачать картину грядущего триумфа.

За стенами бункера шелестели листья древних прусских дубов, предвещая скорую осень – осень, которая принесёт непредвиденные испытания и разрушит многие надежды, казавшиеся сегодня такими реальными.

25 Сентября 1941 года.

Антон и Тимофей тащили в укрытие раненого повара, ему оторвало обе ноги, две полоски крови проходили по грязному и пепельному окопу. От болевого шока повар начал нести всякий бред, но одно он выговаривал четко:

– Я умру! Помру! – Тимофей пытался остановить кровь. – Хочу к маме! Хочу к маме.

– Держись братец! Где чертовы медики?! – заорал он во все горло. Медики опоздали, повар скончался от потери крови с застывшей гримасой обиды и боли. У Чернова неожиданно случился срыв от этой потери. Он бросил свою каску в медика и стал бить по креплению окопа. Антон схватил его и повалил на пол окопа.

– Тима, успокойся! Ты не мог ничего сделать! – пытался его успокоить Крошин.

– Вот именно! Я ничего не могу сделать! Мои братья по оружию мрут как мухи! А я ничего не могу сделать! – брыкался в истерике Тимофей.

– Тимоша! Я жив еще! Мы же с тобой друзья! Ты меня спасаешь! Есть тот, кого ты защищаешь, так что успокойся!

С трудом, но Антон смог успокоить Тимофея. Чернов прерывисто дышал, дергал плечом, но все-таки перестал биться в истерике.

Сражение продолжалось до самого вечера, противник был очень жесток и беспощаден, лишь изредка советской артиллерии удавалось перестрелять немецкую, но это не спасало их положения. К вечеру уставшие, голодные солдаты с трудом держали автоматы. Многие из них походили на скелеты: тощие, тонкие, вялые. Зрелище было ужасным, среди этих солдат Антон и Тимофей выглядели очень хорошо, хоть грязные и рваные, но все лучше. Когда удары артиллерий стихли, солдаты выдохнули с облегчением. Шел уже второй час ночи.

– Видимо, немчура спать ушла, – сказал довольно Антом, яростно чесав свою макушку. – Чертовы вши!

– Хоть и остригли, все равно мучают? – прищурил левый глаз Тимофей. Антон через силу перестал чесаться и чертыхнулся, после этого он, чувствуя холодок, уложил на себя армейское одеяльце. – Что ж за жизнь у нас паскудная?

Смеркалось. Солдаты, убедившись в том, что враг не собирается открывать огонь артиллерии и тоже собирается немного отдохнуть, начали выбирать, кто будет дежурить. Все было как обычно: кого выбирали путем голосования, некоторые из недовольных играли в камень-ножницы-бумага, чтобы уже честно выявить первого дежурного. Тимофея и Антона не трогали. Они лежали рядом, смотря на деревянные балки окопа. Антон снова достал свой кулон, открыл его и смотрел на фотографию семьи. Крошин вспоминал свое детство, обычные дни сейчас казались ему самыми светлыми воспоминаниями. Не сдержавшись, Антон проронил слезу, но быстро её вытер, не хотел, чтобы Тимофей его таким видел, посмотрев на своего друга, который не спал, попытался сделать вид, что ничего не было. Наступила минута молчания.

– Не волнуйся, я никому не скажу, – полусонным голосом сказал Чернов и закрыл глаза. Антон улыбнулся и слезы хаотично, перегоняя друг друга, побежали по его щекам. Тихо сглатывая, молодой солдат закрыл лицо руками и безмолвно заплакал, всей душой желая, чтобы все они вернулись домой и забыли эту ужасную войну. Его слезы – самые чистые, наполненные болью и горечью, без жалости к самому себе, но к Родине-Матери, братьям по оружию, Тимофею. Да и сам Чернов пустил одну тонкую и маленькую слезу.

Так минула ночь. Впервые за эти дни, такая тихая и позволяющая хоть поспать по-человечески. Солдат разбудили рано по двум причинам: обед сготовили, пришли телеграммы с тыла фронта. Приказа сражаться ещё не было, так что у всех было немного времени. Солдаты сначала покушали, очень быстро, потом разбирали письма, каждый хвастаясь тем, что кому прислали. Антон шел к своему отряду, которые только доедали свои пайки со стопкой ЗИС-5ет.

– ЗИС-5ие с тылов! – Воскликнул Крошин, все посмотрели на него с ожиданием того, что он начнет читать. Но Антон просто уставился на первой странице и просто глазел на нее, поджимая губы и вытирая выступивший пот с подбородка. – А... Это самое.

– Что такое? – с напрягом спросил один из бойцов. Тимофей по взгляду друга сразу все понял и опустил голову.

– Антон не умеет читать, – сказал Чернов, Крошин тоже опустил голову, чувствуя некую вину за подобное действие. – Ладно, Тоша, садись, сейчас прочитаю.

Тимофей взял ЗИС-5ету, молодой солдат нерешительно сел рядом. Сначала он читал новости с Кремля, осмотрелся и, убедившись, что нет лишних ушей, назвал командующих «штабными крысами». Наконец, перелистнув на следующую страницу, его взгляд изменился на удивленный.

– Так-так-так-так-так... Александр Твардовский. «Василий Теркин»? Ребят, у нас такие есть? – все помотали головой, а Тимофей продолжил. – На войне, в пыли походной. В летний зной и в холода. Лучше нет простой, природной из колодца, из пруда. Из трубы водопроводной, из копытного следа, из реки, какой угодной. из ручья, из-подо льда, – Лучше нет воды холодной... Лишь вода была б – вода. – Читал он складно, немного не попадая в рифму, но все слушали с интересом про этого Василия Теркина. А когда он дочитал, то на лицах солдат засияли улыбки. Им пришлось по нраву то, что они услышали, да и самому Чернову было приятно это читать. Это подняло боевой дух группы, да и всех солдат, кто слышал и читал это. «Василий Теркин» для них был живым, настоящим солдатом, для которого война – работа и её надо выполнять, так что из вымышленного героя в умах солдат Вася стал живым, хоть и не известно где он, как он, откуда. Тимофей посмотрел на Антона, тот прибывал в унынии. – Не волнуйся, Тоша, время будет, научу тебя читать, и поверь, вернешься домой и прочтешь мамане с бабкой какой-нибудь стишок. А там и писать научишься.

Сказать, что Крошин был рад – ничего не сказать: он будто засветился от счастья и радостно закивал. И тут снова выстрел артиллерии фашистов.

30 Сентября 1941 года.

Энгель сидела в служебной машине и наблюдала за переменчивой погодой. Париж полностью был в их власти, которой она не была так сильно рада, но все ровно пробуждала в ней чувство превосходства. Особенно картина, где расстреливали французских повстанцев. Энгель наконец могла вернуться к своему обычному образу жизни. Выполнять свою работу, пытать пленных. Нести могущество Великого Третьего Рейха. Но мысль о последнем неизвестно из-за чего, едва заметно, легонько кольнуло её в сердце, решив, что это из-за тряски, майор даже не стала думать об этом.

Но с каждой секундой она начала заострять внимание на причину вторжения Германии. её страна была унижена, обескровлена, волочилась позади всех. Германию опорочили и возложили на нее всю ответственность за все пять лет войны. Сделали её любимую страну посмешищем. «Ну как? Нравится быть под сапогом?», – со злобной ухмылкой подумала Энгель. Ей был приятен не столь тот факт, что эта страна поработана, сколь их плата за их поведение и издевки после первой мировой. Они все поплатились. Даже Россия, которая “сбежала” с войны, из-за революции теперь страдает. майор мечтательно вздохнула, представляя себе картину того, что её родная страна будет стоять во главе этого мира, то, что так обещал Фюрер.

На этом моменте машина остановилась, Энгель вышла из машины и её встретил офицер, меньше её по званию. Он передал ей документы и отдал немецкую честь. В документах были написаны имена провинившихся французах и найденных евреев, которых нужно было лишить жизни. Что она и собиралась делать ближайшие недели.

1 Ноября 1941 года

Листва всё сильнее опадала, оголяя березы и другие лиственные деревья. Лишь ели и сосны оставались вечными и зелеными. Агнет стояла перед одной большой елью. Ей было

очень грустно. Настолько, что у нее промелькнула мысль о том, чтобы впервые за свою жизнь вкусить вкус табака и алкоголя. Однако, она мигом отбросила эту идею от себя. Направившись к своей палате. Проходила мимо группы молодых украинских девушек. Они о чем-то ворковали. Агнет знала русский, хоть и не в идеале, но могла понять, о чем и кто говорит. Но вот их говор, слова, звучали очень по-варварски, ничего не разобрать из этого. Девушку беглоглянули на медсестру, начали перешёптываться и хихикать. На подсознательном уровне, Агнет понимала, что эти девушки смеются над ней. Она осмотрела себя. Действительно. Было за что. Грязный халат, покрытый пятнами крови и спиртовыми пятнами, руки, которые из-за перчаток все время были сморщены и слегка треснутые, особенно кончики пальцев.

Вздыхнув, она вошла в свою больничную палату. На койке сидел немецкий солдат, у него была перевязана рука, один из пьяных мужиков-полицаев что-то не поделил с немцем, а после пырнул его в руку маленьким ножом. Солдат спокойно сидел на койке, Агнет вновь обратила внимание на его руку. Обручальное кольцо. Медсестра подошла к нему ближе, солдат уважительно встал и притопнул ногой, как у них было принято. Они особо не говорили друг с другом, Агнет просто проверила его бинты, удостоверилась, что мужчина не умрет. После чего, со спокойной душой, отправила его на свободу.

Немка очень устала от этой глупой и жестокой войны. Столько умерших людей, бессмысленная жажда насилия и жестокости их народа пугала сильнее всего. Будто она не была их сородичем, а кем-то другим. Не одной из них. Агнет просто не могла понять, почему так жестоки немецкие солдаты, отчего так рьяно атакуют каждого. Что сделали эти люди ей и немецкому народу, чтобы они заслужили подобную жестокость.

Из её раздумий вырвал резкий и громкий хлопок в ладоши. Агнет перепугано вздрогнула и обернулась. Это был один из младших лейтенантов. Один из её самых нелюбимых людей. Чрезмерно жестокий, высокомерный и напыщенный немец, с серыми глазами, русыми волосами, его нос напоминал клюв ястреба, такой же изогнутый и острый. Офицер был пьян, вел себя вальяжно и вульгарно. От него несло спиртом, который он распил вместе с полицаями. Хоть и говорил ей комплименты, но Агнет это ни разу не тронуло, вместо этого она начала делать вид, что его попросту нет. Подошла к столу и начала перебирать хирургические инструменты. Младший лейтенант уставился на Агнет, после чего подошел к ней и, совершенно не думая о чем-то, ухватился за её бедро, собираясь прижать к себе и показать ей свою страсть. Подобное девушка не могла оставить без внимания. Развернувшись к нему лицом, она отвесила ему сильную, на какую только могла быть способна, оплеуху. Смотрела на него строго, взгляд её сейчас походил на Энгель. Младший лейтенант расвирепел, схватил её за руку и свободной рукой замахнулся, девушка сжалась от страха и закрыла глаза.

– Ты что делаешь?! – громкий голос другого майора заставил пьяного содрогнуться и повернуться к нему. Черноволосый офицер, с карими глазами, он был курносый, однако довольно миловидным. Он направил на немецкого младшего лейтенанта дуло маузера. Немец сразу отпустил Агнет, которая спряталась за шторой койки. – Пошел вон!

Младший лейтенант попятился назад и скрылся из виду, продолжая шататься из стороны в сторону. Агнет облегченно выдохнула и улыбнулась.

– Спасибо, гер Альберт, – сказала она, после посмотрела на инструменты и продолжила их перебирать.

– Я завтра же доложу о нем Вашей сестре, фрау Агнет, – спокойно сказал офицер, пряча маузер в кобуру, расположенную слева. Он подошел к медсестре, встал так, будто он был в строю, а после посмотрел на уголки палаты. – Вы не пострадали?

– Все хорошо, – отчеканила спокойно девушка, снова улыбнувшись.

Офицер посмотрел на нее, хрупкую и симпатичную девушку, хоть Агнет и не была о себе такого мнения, но многие солдаты, особенно те которых она вылечила, считали её одной из красивых немок, которой место в журналах и на обложках фильмах. майор Альберт протянул

к ней свою руку, Агнет подумала, что он хотел что-то взять, поэтому протянула ему пинцет. Но майор, проигнорировал это и взял девушку за руку. Агнет испугалась и сделала шаг назад, тем самым отвергнув его начавшееся ухаживание. По лицу Альберта было видно, что он был расстроен её действием, поправил свою немецкую офицерскую фуражку и вышел из палаты, направляясь в сторону группы украинских девушек.

Агнет глубоко выдохнула и села на койку, с поникшей головой. Ей такое не было приятно, хоть с обоими командирами была довольно долго. Но её молодое сердце питало к такому неприязнь. Медик все для себя решила. Как только война закончится, она хотела работать в госпитале, помогать людям, выйти замуж за хорошего парня, родить детей и зажить счастливо. О большем Агнет и не хотела мечтать.

Вдруг, она услышала звук прибывшего грузовика, вылезла наружу, проверить. Из машины вытаскивали маленьких детей, от четырех и до десяти лет, худые, бледные, уставшие. Немцы проверяли их, трогали, записывали на бумаге. Делили их надвое, позвали одного солдата в избу топить печку. Первую группу детей, здоровых, крепких, они собирались отправить в “Германию”, так они называли конкретное место, откуда из детей будут брать донорскую кровь, пока они не умрут. Вторую группу: слабых, тощих и очень маленьких, – просто уничтожить. Первую группу усадили обратно и повезли туда, откуда они уже никогда не вернуться, могли бы и здесь, но оборудования подходящего не было. Остальных завели в помещение, Агнет хотела пойти за ними, но её остановили солдаты, не дав пройти дальше.

Печка уже была нагрета. Детей по очереди, усаживали на печку, дети начали кричать и плакать. А на их груди вырезали пятиконечную звезду. Лишь один солдат стоял в стороне и наблюдал за всем этим с ужасом в своих серых глазах.

– Ганц! – сказал офицер, указывая ему на то, чтобы и он тоже поучаствовал.

– Это же дети! – возмутился солдат. Офицер потребовал от него подойти ближе, с легким испугом, он приблизился к офицеру, тот схватил его правую руку и представил на раскалённую плиту, немецкий солдат закричал от боли и отдернул руку, упав назад, держась за обожжённую руку. Солдат выбежал из избы, а офицер лишь сплюнул и продолжил жестокую казнь над неповинными и напуганными детьми.

Ганц упал на колени и продолжал стонать, не сдерживая слезы. Агнет подбежала к нему и помогла встать, отвела его в палату. Там она обработала его руку, слушая ужасающие крики из избы.

– Они же дети! Нельзя же так! А вдруг русские придут? Они же наших точно также! Моего сынишку также могут! – дрожащим голосом бубнил солдат, Агнет пыталась не потерять самообладание, трясущимися руками бинтуя его запястье и ладонь.

– Не такого я ожидала. Что же русские нам сделали, что мы их так уничтожаем?..

А после её слов, словно высшая сила услышала её слова, выпал первый в этом году снег. 10 Ноября 1941 года.

Антон и Тимофей сидели на обугленной каменной перегородке и раскуривали махорку. Их отправили проверить деревушку, которая после бомбежки почти не уцелела, оставила после себя лишь обугленные дома и огороды. Ничего не осталось, проверяли каждый подвал – ни выживших, ни припасов. Крошин устало посмотрел на небо и прокашлялся. Бросая окурков на землю.

– Сволочи поганые! – процедил Антон сквозь зубы, пряча руки в карманы. – Только и могут, что по деревьям кидать бомбы, да в нас, трусов, стрелять.

– А что ты ожидал от фрицев этих? У них ни чести, ни совести! Что этому усатому, в морду бы ему плюнуть, вообще взбрело нарушать договор? Не-е, брат, никому нельзя верить. Знал ведь, что все эти бумажки лишь бумажки. Ничего ценного. Есть хочешь?

– Немного. У меня горбушка хлеба осталась небольшая, соль щепоточку. Разделим? – вытащил из-за пазухи Антон горбушку мягкого ржаного хлеба, вдохнул запах и улыбнулся.

– Да не надо, у меня тоже, – Тимофей вытащил свой кусочек пшеничного хлеба и тоже вдохнул его аромат.

– Приятного аппетита, Тимош, – сказал Антон и впился зубами в свой кусок, оторвал его и принялся жевать.

– Тебе тоже, Тоша, – надкусил он свой хлеб, они жевали его долго, пытаясь образовать густую массу и проглотить ее. Вдруг, оба солдата услышали мяуканье, посмотрели перед собой, перед ними стояла молодая черная кошечка, смотрела на них своими желтовато-зелеными глазами. Парни переглянулись, Антон почесал макушку и вздохнул, бросив кошке оставшийся хлеб. – Ешь, костлявая.

– Ну спаси-ибо, у меня теперь кусок в горло не идет, – пробубнил Тимофей, положив и свой кусок рядом с кошкой. Та с жадностью начала поедать хлеб сначала Антона, а потом и за кусок Тимофея. – Смари как наяривает, во как кушает, – с нотками зависти сказал Чернов, после чего вздохнул.

– Да ладно тебе, ладно, пойдем, надо доложить командиру, что здесь ничего нет.

Они встали, затянули потуже пояса и собрались уходить. Закинув автоматы за плечо, солдаты направились в сторону своей стоянки. Вдруг, послышался опять кошачье мяуканье, Антон повернулся, а вслед за ним и Тимофей. Кошка подзывала их к себе, Крошин вздохнул, подошел к кошке, а она от него в другую сторону, тот уже начал тихо ругаться. Тимофей недовольно цыкнул и пошел за ним. Кошка привела их к сгоревшим кустам. «Котят что ли своих показать решила?», – подумал про себя Чернов, после пригляделся к кустам, откуда неестественно торчал камень.

– Камень как-то неестественно торчит, – сказал Антон, даже не приглядываясь.

– Это да... Проверим? – они аккуратно подошли к камню, Крошин схватился за него и потянул, земля перед ними начала дрожать и подниматься, обнажая лестницу ведущую вниз. – Опаньки. Схрон.

Тимофей полез вниз, Антон стал дожидаться на поверхности, кошка сидела рядом и довольно мурлыкала, Крошин посмотрел на нее и погладил.

– Ну что там? – крикнул парень в темноту.

– Тоша, иди сюда! – радостно крикнул Тимофей, Антон быстро спустился. В свете фонаря Чернова они увидели банки, консервированное мясо, огурцы, помидоры, сушеные грибы. Схрон был полон, видимо, для зимовки. – Это прямо чудо какое-то!

– И не говори. Пошли командованию сообщим.

– Пошли!

Солдаты закрыли погреб и побежали в сторону своего отряда, не забывая осматриваться. Кошка осталась на месте, улеглась рядом с люком и начала их ждать. Тимофей и Антон добежали до командира и доложили о своей находке. Спустя несколько минут подъехала грузовая машина с несколькими солдатами из их роты, их самих и командира, мужчину с серыми глазами и седыми гусарскими усами. Кошка привстала и потянулась, словно только что проснулась. Солдаты красной армии, пока двое остались наблюдать, потихоньку выносили оттуда всё, что было. Даже сушеные ромашки. А когда всё вытащили, наконец начали загружать в ЗИС-5. Последнюю банку с огурцами командир разрешил солдатам съесть прямо сейчас, что несколько солдат с удовольствием сделали. После чего он подошел к двум разведчикам.

– Рядовой Крошин, Рядовой Чернов. Выражаю от нашей роты благодарность вам обоим за столь ценную находку. Обязательно доложу в штаб о ваших заслугах.

– Товарищ командир! Разрешите вопрос? – сказал Антон, делая шаг вперед.

– Разрешаю, рядовой.

– Можем ли мы взять кошку с собой? – вопрос несколько озадачил командира, а Крошин начал объяснять. – Если бы не она, то и схрона такого мы и не нашли. А раз она нам помогла, то, как благодарный человек, я не могу оставить ее!

– Полностью поддерживаю, товарищ командир! – громко сказал Тимофей. Командир начал наматывать свой ус, он всегда так делал, когда задумывался. Солдаты начали залезать в грузовик. «С одной стороны, кошка – не солдат, нахлебник и ничем особо помочь не сможет. Но, с другой стороны, зверь смывленный, да и Крошин прав: не гоже нам, советским людям, не отплачивать благодарностью за помощь, хоть и такому животному. Ладно, будь что будет!», – командир вздохнул и махнул рукой.

– Разрешаю, но возиться с ней никто не будет, – сказал он, поправляя фуражку. Антон радостно улыбнулся и посмотрел на кошку, сел на корточки и протянул руку.

– Кис-кис-кис! Иди сюда, Муся! – кошка подбежала к нему, Крошин ухватил её одной рукой и прижал к себе. Тимофей лишь довольно хмыкнул и оба солдата направились к ЗИСу-5. 12 ноября 1941 года.

Муся сама по себе, вела себя ласково со всеми. В роте многие или привыкли к ней, или попросту отгаликивали её от себя. Кошка, в момент передышки и перекура ластилась к солдатам, особенно к Антону и Тимофею. Муся, сама того не понимая, выражая свою кошачью благодарность, одерживала моральную поддержку солдатам, хотя бы на мгновение забыть о этой войне и ощутить тепло, нежность, нужность. Родной дом, где тебя всегда ждут и любят. В очередную ночь, когда солдаты смогли немного отдохнуть, прильнула к лежащим рядом Антону и Тимофею, улеглась на животе Крошина и принялась мурчать. Чернов улыбнулся и поглаживал кошку по загривку.

– Слушай, а почему ты её Мусей назвал? – поинтересовался Тимофей, чувствуя тепло на кончиках пальцев.

– Дык, я каждую кошку так зову. У меня в доме их три было. Я говорю: Муся, – прибегают все. Удобно. Да и кошкам подходит. А ежели кот, то Муса или Мурзик.

Антон зевнул и начал закрывать глаза, чтобы вздремнуть. Тимофей чувствовал что-то. Будто сейчас должно произойти то, от чего они должны будут спрятаться. Вдруг, кошка зашипела, неестественно закричала, словно ей прищемили хвост и бросилась к ближайшему участку, где обычно прячутся от взрывов и истошно продолжила кричать, Тимофей и Антон подошли к ней, попытались успокоить, как тут же кошка успокоилась и продолжила сидеть. Зато послышались звуки падающих снарядов.

– Арта! – закричал Чернов во все горло и спустя мгновение на место, где они лежали, упал снаряд. Солдаты резко повскакивали, начали стрелять в противоположную сторону. Антон и Тимофей первыми принялись отстреливаться. – Почему часовые не предупредили?! – крикнул он в пустоту, стреляя по едва видимым силуэтам немцев. Выстрелы, взрывы, крики, уже полетели чьи-то ошметки. Кошка сжалась в угол. Во всей этой суматохе, солдаты услышали лязг гусениц. – Танк! Вашу мать! Танк!

Антон прыгнул на Тимофея и повалил его вниз, спустя секунду что-то взорвалось и их обоих накрыло землей. Танк надвигался прямо на их окоп, в их траншею.

– Тимоха! Молотов! – Крошин быстро схватился за ближайшую сумку, из-за адреналина, который будто пустили им по венам, они уже отчетливо видели в темноте, как только Тимофей зажег зажигалку, в их глазах осталось бельмо. Коктейль зажгли и бросили в приближающуюся технику. Огонь вспыхнул и не дал экипажу нормально разглядеть окопы, а потому, не на секунду не мешкая, Антон и Тимофей схватили две гранаты, по одному на каждого, вылезли из окопа, Крошин помог Чернову залезть на движущийся танк немцев, командир экипажа. Не услышав глухой удар об прошивку танка, кашляя из-за дыма, открыл люк, как только он вынул голову, Тимофей пнул его ногой по голове прямо в висок, и тут же закинул гранату внутрь танка. Послышались крики немцев, на окопе танк встряхнулся, и Чернов упал, лицом в грязь, а ноги свисли в окоп. Раздался взрыв внутри танка, Тимофей быстро сполз вниз, в траншею и тяжело дышал. Немецкая техника неудачно повернулась и упала боком в траншею, коман-

диру экипажа раздробило голову ударом от деревянные балки. Техника в этот же самый миг и заглохла, ведь больше никто не жал на педаль ЗИС-5.

Антон, удостоверившись, что враги больше не наступают, побежал через окопы к другу. Увидел Тимофея, подошел к нему, сел рядом и крепко обнял.

– Мы справились! Тоша! – крикнул Тимофей, еле пребывая в сознании. – Муся нас спасла!

Оба солдата потеряли силы, Антон упал на Тимофея, потеряв сознание, от резкой усталости. Чернов тоже закрыл глаза, в мгновение потеряв связь с этим миром. Неможко отдохнуть, это то, что они заслужили за свой поступок.

Проснулись они только когда их начали будить, ранним утром. Потасили поесть хоть немного, Муся уже была рядом, готовая в любой момент получать свою долю и ласки, и еды. Повар налил каши с вяленным мясом в импровизированную миску, из куска осколка снаряда, и положил на пол, кошка тут же начала лакать из нее. Потом наложили двум героем, которые с голоду могли и ложку сожрать.

К ним подошел командир.

– Рядовые, вы меня уже радовать начинаете. Сначала схрон, теперь танк. Надо вам медаль, за такие заслуги!

– Командир! А можно попросить у командования зубные порошки и щетки? – поинтересовался Тимофей, буквально глотая горячую кашу, как пес. – Просто зубы у меня крепкие, здоровые, я их лишаться не хочу. – командир был слегка озадачен: не каждый день ему приходилось слышать подобное, особенно от солдата. Мужчина поправил фуражку.

– Посмотрим, – спокойно сказал он, направляясь в свою палатку. Тимофей тем временем закончил есть свое блюдо, Муся начала гладиться об его сапог. Чернов положил тарелку около чугунка с едой и взял кошку на руки, почесывая ей животик.

– Тут кошка довольная. А по ту сторону проволоки... Нас ждет война, – тихо сказал Антон, шмыгнув носом.

Муся для них, Антона и Тимофея, стала живой надеждой на то, что они победят. Выживут. Увидят счастливое лицо советского человека.

27 Ноября 1941 года.

В кремле, в одиночестве. Вождь советского союза сидел в своем скрипучем кресле, обитом красной кожей, правая рука его находилась на столе, которое напоминало миниатюрное футбольное поле: с центра и чуть меньше краев зеленого цвета, как трава на ЗИС-5оне, – на переднем краю стояло три черных, совершенно одинаковых телефона, всё что о них знали, это их предназначения: для связи с дежурной охраной, «вертушка» с диском для разговоров в узком кругу высоких должностных лиц и аппарат первой секретной правительственной кремлевской связи, надежно защищенной от прослушиваний. Кто к какому относился знал только Иосиф Виссарионович. На левом краю стола стояла большая квадратная пепельница для его трубки, сделанная из стекла. В своей левой руке он держал свою трубку, вновь и вновь вдыхая дым табака, после чего задумчиво выдыхая его. План о сдаче Ленинграда уже был готов, но Сталин всё никак не решался его подписать.

Весь кабинет был покрыт дымом от его трубки. Окно не открывал, не хотел простудиться. Иосиф Сталин не хотел смотреть назад, на карту боевых действий, в которой отчетливо было видно грандиозное наступление Германии. Вождь не хотел терять свою страну, свое место, свою власть. Он был готов отдать за это все что угодно. Даже с самим дьяволом договориться, лишь бы сохранить всё, что у него было. В дверь постучались. Вошел молодой, красивый офицер при штабе. Штабная крыса, что никогда не увидит крови товарища, не почувствует жженый запах пороха, стали и горящего бревна. Тот, кто ни за что не пойдет спасать товарище, ведь ему ничего, кроме своей шкуры ничего не нужно. Сталин посмотрел на молодого со всей строгостью.

– Товарищ главнокомандующий Иосиф Виссарионович! Лейтенант Петрушкин.

– В чем дело, товарищ? – прохрипел Сталин, кладя свою трубку на пепельницу.

– С Вами хочет поговорить патриарх Антиохийский Александр III, – с явным недовольством сказал Петрушкин. Ещё бы пару лет назад, Иосиф Виссарионович бы засмеялся и погнал бы «святошу» прочь. А сейчас ему уже нечего было терять. Он махнул рукой.

– Пусть заходит, – спокойно сказал это и встал с кресла, подойдя к полке с книжками. В комнату вошел патриарх. Это был уже не молодой мужчина, с большой местами седой, бородой, мудрым взглядом. Крупный, чувствовался в нем какой-то необъяснимое приятное ощущение спокойствия. – Что вы хотели, товарищ Антиохийский?

– Я, как и Вы, обеспокоен судьбой России матушки, – спокойно говорил патриарх. – Все предрешено уже на небесах, Иосиф.

Сталин встал со своего кресла и подошел к окну. Странное чувство было в душе у лидера страны: что-то внутри не хотело признавать этого, пыталось найти другой путь, но не этот, – однако, всё было тщетно.

– Так Вы думаете, товарищ Александр Антиохийский, что нам поможет только Бог? – с ноткой досады произнес Иосиф Виссарионович. Тяжело признать свое поражение человеку, что так долго пытался искоренить веру и Бога, а сейчас пред ним стоит священнослужитель и предлагает помощь. – Советскому человеку поможет Бог... Смешно звучит.

– Ничего смешного в этом не вижу. Святая Богоматерь всегда защищала Землю Русскую, нашу Матушку-Россию. Стало быть, она и может спасти Матушку Россию.

Сталин начал ходить из стороны в сторону, снова взял в руки трубку и вдохнул дым табака. «Как советский человек... Как вождь. Я не должен соглашаться! – думал Иосиф Виссарионович, из-за этих мыслей у него выступил пот на шее, – Это получиться, что я обогал все свои слова! Покажусь лжецом! Но... а есть ли у меня выбор? Да, есть: потерять страну, или же переступить через себя...», – минут пять вождь ходил из угла в угол, думая над своим ответом. Наконец, он остановился и повернулся к Патриарху.

– Чего же Вы хотите, товарищ Патриарх? – спросил Сталин, кладя трубку обратно в стеклянную пепельницу.

– Должны быть открыты во всей стране храмы, монастыри, духовные академии и семинарии, священники должны быть вызваны с фронта и из тюрем, должны начать служить. Сейчас готовятся к сдаче Ленинграда, – сдавать нельзя. Пусть вынесут чудотворную икону Казанской Божией Матери и обнесут её крестным ходом вокруг города, тогда ни один враг не ступит на святую землю. Перед Казанской иконой Божьей Матери надо отслужить молебен в Москве. Затем она должна быть в Сталинграде, который сдавать нельзя. С Казанской иконой Божией матери надо идти до границ России. А когда война закончится владыка Александр должен приехать в Россию.

Иосиф Виссарионович снова молчал. После последних раздумий, он сел обратно в кресло и уже более спокойным голосом огласил:

– Хорошо. Я выполню всё, что требуется, товарищ Антиохийский.

Деваться было уже некуда, лишь на чудо сейчас можно было надеяться.

Утром 28 ноября 1941 года, Сталин подписал указ о восстановлении всех храмов, монастырей и прочего, освободил священников из тюрем и дал приказ на фронт. Над Москвой пролетел самолет с Казанской иконой Божьей Матери. Горожане смотрели на это с сильным изумлением. Старушки упали на колени и начали молиться, некоторые стали креститься, а те, кто во всё это не верил, сплюнули и просто продолжили свои дела.

Иосиф Виссарионович, стоя перед окном, убедился, что никого нет рядом, перекрестился.

30 ноября 1941 года.

Листья полностью опали, ветер начинал выть и приносить холод с севера, небо всё было в тучах, будто сегодня должен был идти снег. Да снег и выпал уже, ещё первого ноября. Дабы согреться, солдаты красной армии сидели у костров, протягивая руки и ноги, чуть ли не в самую близость. Антон уже был в более теплом обмундировании, а Тимофею ещё не выдали, поэтому за пазухой, он держал Мусю, та уже сладко спала и грела его живот своим теплом.

– Слышали, мужики? – подошел к ним один солдат, с узкими глазами, Чукча. – Сталин-то церкви пооткрывал и самолет с иконой по Москве пустил! – после чего протянул обоим оставшуюся махорку.

– Да быть не может! Чтобы Иосиф Виссарионович и такое... – изумился Антон, Тимофей затянулся махоркой, после выдоха сказал:

– Товарища Сталина понять можно: уже готов что угодно сделать, во что угодно поверить, лишь бы страна уцелела.

– Ага, только страна уцелеет из-за таких как мы! – гордо сказал Чукча, сев поближе к костру. – Простые солдаты – вот кто защищает Россию. А не генералы эти зажравшиеся! – сказал он громко и тут же Тимофей закрыл рот ему рукой и посмотрел по сторонам, вроде никто не услышал.

– Ты что, сдурел совсем?! Если ещё раз такое ляпнешь – под трибунал поведут! А тебе ещё пожить надо, – угрожающим тоном произнес Чернов, даже забыв о том, что Муся была у него под рубашкой. Винтовка Мосина с оптическим прицелом, рухнула на черную землю, холодную, как сама смерть.

Ветер стал дуть ещё сильнее и пробрало до костей. Уже надо было сходить проверить, где враг. Как вдруг Муся выпрыгнула из рубашки вскочила наверх окопа и зашипела на присутствующих. Это было предупреждением, но о чём, парни не понимали, но выходить из окопа не стали.

– Муся, всё в порядке! – сказал Крошин, приподнимаясь, протягивая к ней руки, кошка громко завопила и выпустила когти, царапая руку Антона, тот прошипел от мимолетной боли в замерших руках, но снова потянулся к кошке. – Да лезь уже обратно, Муся!

Он привстал, что было видно каску, кошка закрыла его своим телом, сильно вздыбила шерстью. И тут прозвучал громкий звук, словно ударил гром, слегка ощутил Антон легкий жар в щеке, а после Тимофей его повалил, что-то горячее попало ему на лицо, настолько горячее, что обжигало болью жара, словно огонь пылал на его лице.

– Снайпер! – закричал Тимофей во всё горло, после посмотрел на друга.

– Я умер? – спросил Чернова Антон, после осмотрелся, сначала он увидел труп чурки, во лбу которого была красная точка, кровь стекала к его узким, но удивленными глазами: «А я ведь у него только фамилию знал – Мелов. Жаль парня, мог бы и подольше пожить...», – промелькнуло в голове Антона. Опустив голову вниз, Крошин увидел лежащую Мусю, в луже темно-красной крови, сердце застыло и заныло, Антон умолял, чтобы это была кровь другого солдата, хоть того же чурки, а Муся лишь упала и прижалась к земле, но больше тел не было, источник лужи мог быть только один. – Муся? Нет... нет-нет-нет-нет! Не верю! Муся! Муся! – из шока и удивления, Антон перешел на отчаяние и отвержение увиденному. – Тимоша! Это не правда! Муся ведь жива!

Крошин просмотрел в лицо товарища, Чернов не смог удержаться и с уголка его глаза медленно скатил слеза, оставляя за собой солевую дорожку.

– Нету больше Муси... Мелова тоже накрыло... – тихо сказал Чернов, глотая ком в горле. Антон запрокинул голову вверх, спустя мгновение издав истошный крик, полный боли и отчаяния, словно именно его ранили. – Тоша, успокойся! – Антон быстро приподнялся, схватился за винтовку и вынырнул из окопа, в мгновение что-то блеснуло за кронами деревьев. Тимофей снова повалил его на землю и раздался выстрел. – Антон! Ты совсем сбрендил?! Сдохнуть

хочешь, идиот?! Нам и так одного снайпера уже уконтропутили! – крикнул на него Чернов, пока к ним приближались товарищи по отряду.

– Я видел его! Я должен стрелять в эту фашистскую мразь! – крикнул Крошин словно в бреду, после оттолкнул Тимофея и снова принялся выцеливать снайпера. Выстрел. Не попал, прыгнул вниз. Чернов немного посидел, пытаясь отойти от шока, после снял свою пилотку и нацепил на дуло ружья, после этого медленно приподнял над окопом. Выстрел.

– Зеленый! – выкрикнул Тимофей.

– Это тебе за Мелова! Это за Мусю! За Россию-Матушку! – кричал Антон после каждого последующего выстрела. Даже не обращая на командира отряда, сидящего рядом и спрашивающего у Тимофея о случившем. Лишь спустя десять минут, пуля наконец достигла немца. Выстрел прилетел в плечо. – Попал! – прокричал на весь окоп, вдалеке был слышан крик раненого немца.

Тимофей, совершенно не думая о последствиях, возможной опасности, выпрыгнул из окопа и побежал в сторону крика.

– Рядовой! Куда?! А ну вернись! – крикнул командир, но Чернов его не слушал, продолжал бежать со своим автоматом наперевес. Наконец, добрался до деревьев, было странно видеть, что он один, но Тимофея это не смутило.

– Нет! Нет! Стойте! – крикнул немец, тут же получив сапогом по груди, а потом в висок устремился приклад автомата. И снова. И снова. И снова. Пока фашист не испустил дух. Тимофей стоял над его телом сторбившись, занеся автомат как копье, ожидая малейшего движения, чтобы продолжить избиение. А после, убедившись, что немец уже точно не встанет, сорвал с него медаль в виде немецкого креста, а после, дабы показать всё признание, ненависть и злобу, плюнул ему в лицо. Затем повернулся и ворчал, возвращаясь в окоп.

Командир, убедившись, что последующей стрельбы не будет, вылез из окопа и направился в сторону Тимофея, Антон же подошел к погибшему товарищу и рядом лежащей кошке, после чего упал на колени и склонил голову. Командир, оказавшись рядом с Черновым, замахнулся и ударил его в грудь кулаком. Удар был очень сильным, что заставило Тимофея потерять равновесие и упасть на снег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.